

Он
ВЕРНЕТ
тебя

М а р и я В ы с о ц к а я

Мария Высоцкая

Он вернет тебя

<https://litres.ru/74206657>

Аннотация

ВЫШЕЛ БОНУС ♥#

Глеб Стеклов — человек без моральных принципов. Моя первая и единственная любовь, для которой я оказалась обычным развлечением. Он поспорил на меня. На мою невинность. Мстил за задетое самолюбие... Что еще можно было ждать от зажавшегося мажора? Ничего. Он стал моим первым мужчиной. Влюбил в себя, а потом предал. Это больно — осознавать, что ты всего лишь трофей. Я была раздавлена, унижена и видела для себя лишь один выход — сбежать. Я и сбежала. Из Москвы в Питер. А через месяц узнала, что беременна. От него. Родила. Выстояла. И теперь у меня есть дочь, о которой он не знает. Не знает просто потому, что и меня-то не помнит...

можно читать отдельно!

ХЭ

НОВИНКА "Второй шанс. Жестокая любовь" история Ярика и Вари

Содержание

1	5
2	10
3	16
4	22
5	27
6	33
7	37
8	41
9	45
10	51
11	58
12	64
13	70
14	76
15	83
16	88
17	94
18	100
19	104
20	108
21	113
22	119
23	124

24	129
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Алиса

— Алисон! С завершением испытательного, — сияя, поет Надя. — Я только что от Алентова, он доволен тобой как слон. Так что, крошка, вечером с тебя простав!

— Не сегодня, — мотнув головой, просматриваю файл на наличие несостыковок, стараясь загнать обратно радость от Надиной новости, и сохраняю его в папку с отчетами.

— На выходных?

— На выходных, — киваю.

Попасть в компанию Алентова было не так-то просто. Меня отобрали из сотни кандидатов на должность младшего аудитора с возможностью карьерного роста в ближайший год. Испытательный я прошла, осталось дело за малым. Я не могу себе позволить спустить все в унитаз после того, как четыре года отпахала аналитиком в банке за абсолютно копеечную по меркам ниши зарплату.

— Кстати, Артем просил, чтобы ты лично к нему зашла.

— Поняла, — киваю, погружаю компьютер в сон и беру со стола папку с документами. Там отчет о маленьком консалтинговом агентстве, для которого мы проводили индивидуальный аудит.

Поправляю рубашку, плотнее заправляя ее в брюки, и, сунув папку под мышку, поднимаюсь этажом выше. Секретарь Артема Владленовича — Саша, приветственно мне кивает.

— У него человек, — шепчет, перегнувшись через стойку, и начинает мне торопливо рассказывать о том, какую машину Алентов подарил своей любовнице.

В офисе любят сплетничать; это отдельный вид тимбилдинга, так сказать. Вечный двигатель злословия, блин.

Выслушав Сашин рассказ, усаживаюсь на диван и, пока жду своей очереди в кабинет к начальству, звонит Юлька.

Когда вижу ее имя на экране смартфона, улыбка на губах вырисовывается по умолчанию.

— Ма-а-ам! Дашенька опять храпит! — вопит дочь, как только я принимаю вызов.

— Зайка моя, Дарье Ивановне семьдесят, ей простителен дневной сон, — поясняю со смешком.

На дворе разгар июля, у меня по горло работы и нет средств на няню. Поэтому приходится выкручиваться и оставлять свою почти шестилетнюю дочь с соседкой сверху.

Милейшая старушка, которая часто нас выручает.

— Мне скучно, — плаксиво жалуется дочь. — Ты скоро приедешь?

— Как и всегда, солнышко.

Внутри меня, конечно, передергивает. Вот этот разгон от «хорошей родительницы» до «ужасной матери» всегда случается за секунды. Сегодня не исключение.

Я воспитываю дочку одна. Работаю с первых месяцев ее жизни, просто чтобы нам было на что существовать. Поэтому не всегда могу уделить ей должного внимания, и это, конечно, гложет.

У нас с ней никого нет. Мы вдвоем против целого мира...

— Ну ладно, — Юля вздыхает. — А шоколадку купишь?

— Куплю. Слушайся Дарью Ивановну, ладно?

— Конечно, мамочка.

Юляша отключается, а пару минут спустя дверь в кабинет Алентова открывается. Артем пропускает впереди себя мужчину в черной рубашке. Они оба стоят спиной, поэтому лицо гостя я не вижу.

— Алиса! — замечает меня Артем Владленович. — Ты ко мне?

— Да. Надя сказала, вы звали.

— Звал. Две минуты, — показывает мне указательный палец и что-то гораздо тише говорит своему гостю.

Мужчина, стоящий ко мне спиной, кивает, делает шаг в сторону. Я поднимаюсь на ноги, потому что Артем указывает мне рукой на дверь, чтобы я зашла, и именно в этот момент его гость поворачивает голову и мажет по мне безразличным взглядом.

К горлу тут же подступает тошнота.

Только не Стеклов!

Глеб едва заметно кивает в никуда и отворачивается.

Не узнал?

Хотя, на что я надеялась?

Мы были знакомы в другой жизни. Я была молодой, глупой студенткой. Его очередным трофеем. Душной отличницей, на девственность которой он поспорил.

Поспорил, выиграл этот спор, а потом просто стер меня из памяти, как и десятки других.

Жадно хватаю губами воздух и понимаю, что стою, не шевелясь, уже больше минуты.

— Алиса?! — зовет Артем.

— Да. Простите, задумалась, — выдавливаю улыбку и захожу в кабинет.

Сердце при этом стучит так быстро и так громко, что я вот-вот с ума сойду.

Алентов что-то непрерывно говорит, я отвечаю, но сути толком даже не улавливаю.

Я сижу в его кабинете, но присутствую там лишь физически, потому что в эту самую секунду, меня откинуло в прошлое. В прошлое, где я влюбилась в Стеклова и оказалась для него обычным развлечением. А что еще можно было ждать от зажавшегося мажора?

Ничего.

Он выиграл спор. Лишил меня девственности. Влюбил в себя, а потом предал.

Я была раздавлена, унижена и видела для себя лишь один выход — сбежать.

Я и сбежала. Из Москвы в Питер, а через месяц узнала,

что беременна.

От него.

Родила. Выстояла.

Конечно, он не знает о дочери. Не знает просто потому, что ему больше никогда не было до меня дела...

Всех приветствую в новинке! Будет эмоционально, откровенно, со стеклом и конечно ХЭ!

Лайки и комментарии приветствуются! На старте книги они очень вдохновляют и помогают истории продвинуться в рейтинге)

— Что скажешь?

Артем смотрит на меня, а его вопрос повисает в воздухе.

Что скажу? Ох, я всё прослушала!

— Отлично, — растягиваю губы в улыбке.

— Значит, так себе и отмечу. Надя будет тебя курировать.

Если по окончании работы у меня не будет к тебе вопросов — повышу тебя до старшего аудитора.

— Хорошо, — часто киваю. На языке вертится вопрос о том, какую именно работу мне придется выполнить. — Артем Владленович, я всё поняла. Спасибо за доверие.

— Не подведи, — шеф кивает и смотрит на дверь.

— Ушла, — быстро отдаю ему папку по консалтинговому агентству и спешу на выход.

Ладно, то, что я прослушала, — не страшно. Надя в любом случае введет в курс дела. Главное — у меня появился реальный шанс за короткие сроки занять ту должность, на которую я изначально претендовала. Меня тогда не взяли из-за жесткой иерархии в компании и сомнений, что у меня есть непосредственный опыт в аудите. Всё-таки я пришла из банковской сферы, хоть и работала в аналитике.

Прикрываю за собой дверь в кабинет Артема и, глянув на Сашу, решаю всё-таки спросить про Стеклова.

Понятия не имею, зачем он меня так интересуется. Хотя нет — имею.

Я боюсь с ним столкнуться. Ничего хорошего наша встреча не принесёт. Поэтому я должна знать, что он тут делал и как часто вообще бывает.

— Сашуль, — облакачиваюсь на стойку, — что за гость был у Артема?

— Какой? — Сашка хмурится. Иногда мне кажется, что у неё память как у рыбки — если не считать сплетни. — А, Стеклов, что ли?

— Наверное, — жму плечами. — Мужчина, с которым Артем из кабинета вышел.

— Стеклов, ага, — Саша деловито кивает, а потом эмоционально выпаливает: — Ты что, не знаешь эту историю?

— Какую?

— Это он три года назад инвестировал в нашу фирму. Артем, — произносит губами без звука, — тогда был в долгах. Его кинул партнёр, а Стеклов вложился.

— Какой благодетель, — хмыкаю и чувствую, как сильно печет щёки.

— Ага, конечно. Он с Алентова до сих пор проценты за свою «помощь» выдирает. Так что нам нельзя плохо работать, Алиса, иначе Темочка без трусов останется. И мы тоже, между прочим!

— Мило, — поджимаю губы. — Значит, Стеклов инвестор?

— Ну, я бы так не сказала. Он у нас таковым не числится,
— Саша качает головой и вытягивает губы трубочкой. — Он бизнесмен, вроде бы.

— Что значит «вроде бы»?

Саша быстро осматривает приёмную и, убедившись, что мы одни, снова переходит на шёпот:

— Он бандит.

— Кто? — не могу сдержать смехок. — Бандит?

— Тихо ты! Нет, у него, конечно, есть бизнес — автосалоны там и еще много всего... Но я лично слышала, как Артем просил его «жестко» решить вопрос с бывшим партнёром. Только ты — никому! — хватает меня за руку. — Если Артем узнает, что я подслушиваю...

— Я — молчок, — прикладываю палец к губам и выхожу из приёмной.

Бандит? Серьезно?

Саша, вероятно, что-то напутала. У Стеклова был очень богатый отец. Зачем ему ввязываться в криминал?

Пока думаю об этом, не замечаю, как возвращаюсь на своё рабочее место.

Тру щёки и бужу компьютер. Когда приходит Надя, прошу её ввести меня в курс дела по фирме о которой говори Артем.

— Для кого мы будем его делать? Прости, я у Артема в кабинете задумалась, — зажмуриваюсь от стыда.

— Боже, ура, ты тоже человек! — смеётся Надя. — Коро-

че, пару дней назад мы заключили договор с сетью отелей. У них там какие-то проблемы. Намечается суд. Нужно всё проверить, плюс привести в порядок финансовые документы.

— А мы таким занимаемся?

— За отдельную плату, естественно. Поэтому дерзай, крошка. Если будут вопросы — вэлком к тётё Наде.

— Спасибо.

— А, учти — у них есть офис в Москве, и тебе придётся туда съездить в командировку.

— Конечно, — киваю, а потом вгрызаюсь зубами в нижнюю губу.

У меня есть проблемы с передвижением, просто потому, что мне не с кем оставить дочь больше чем на несколько часов. Придётся снова тащить её с собой.

Сразу вспоминаются времена, когда я приходила с коляской на экзамены...

Я училась заочно, на бюджете. Хваталась за любую удалённую работу. Писала дипломы, курсовики и параллельно зубрила сама. Юля была беспокойной — много плакала, плохо спала. А я засыпала на ходу. Было тяжело. Очень.

Сейчас я вспоминаю это без умиления, даже спустя столько лет.

Я была дёрганной, нервной, вечно невыспавшейся. Денег хватало лишь на оплату комнаты в коммуналке, еды и необходимых вещей для ребёнка. Я ненавидела себя за то, что не справляюсь. Что у других получается быть хорошими роди-

телями, а у меня — нет.

Много плакала. Моё состояние передавалось Юльке, она тоже нервничала. Мы почти год жили в этом замкнутом круге.

Мотнув головой, выныриваю из воспоминаний и, попрощавшись с Надей, еду домой.

Две остановки на троллейбусе и пять на метро.

Домой попадаю в семь двадцать. По пути забегаю в магазин, чтобы купить Юле шоколадку, а Дарье Ивановне — мёд. Деньги за помощь она упорно не берёт, поэтому я расплачиваюсь с ней едой и лекарствами.

Быстро поднимаюсь по ступенькам на второй этаж, открываю дверь и захожу в квартиру.

— Мама!

Юля несётся мне навстречу, как только я переступаю порог. Сто процентов сидела на балконе и высматривала меня.

— Привет, — крепко обнимаю дочку и вытаскиваю из сумки шоколадку. — Держи.

— Спасибо, — Юля улыбается и снова обнимает меня за шею.

— Как вы тут?

— Хорошо. Дашенька смотрит суд, а я сделала тебе ужин! Пойдём! — тянет меня за руку на кухню.

Скидываю туфли на ходу, не переставая улыбаться.

— Вот, это творог, — комментирует Юля, — я туда поре-

зала банан, положила орехи, изюм и сметану. Ешь.

Сажусь на стул и беру ложку. Пробую.

Юля замирает в предвкушении.

— Вкусно. Ты у меня такая молодец.

— Я старалась. Мама, а мы в выходные поедem в аква-парк?

— Поедем.

— Ура!

Юля прыгает от счастья, а в дверь раздаётся звонок.

Огромное всем спасибо за лайки, комментарии и вообще такой теплый прием истории!)))

Я машинально поворачиваюсь на звук, а потом снова смотрю на дочь, она балансирует на одной ноге, согнув вторую в колене и перехватив лодыжку у себя за спиной.

— Кто там? — спрашивает, склоняя голову на бок.

— Сейчас узнаем.

Растираю ладонями бедра, когда поднимаюсь со стула и направляюсь в прихожую. Обычно так поздно к нам приходит только один человек, да и случается это редко. Не те у нас отношения, чтобы инициировать ежедневные семейные посиделки за ужином.

Проплывая мимо зеркала, быстро поправляю укладку, которая за длинный рабочий день превратилась в обычные распущенные волосы, и открываю защелку.

— Привет, — улыбаюсь и пропускаю Максима в квартиру.

— Привет, — он быстро целует меня в щеку и вручает букет.

Это розы. Белые, крупные, ароматные.

— Прости, что без звонка. Ехал мимо, — поясняет, разуваясь.

— Мы как раз собирались ужинать. Присоединишься?

— Я думал, мы с тобой куда-нибудь сходим, — переходит на шепот, касаясь ладонью моей талии.

Обернувшись в сторону кухни и убедившись, что Юли на горизонте нет, торопливо прижимаюсь к Максу и, чмокнув его в губы, отстраняюсь.

— Прости, сегодня никак. Дарья Ивановна и так просидела с Юлькой весь день, просить ее остаться на ночь — верх наглости.

— Да понял уже.

Макс кивает, но я вижу, что расстроился. Мы встречаемся чуть больше года.

Никто из нас не претендует ни на что серьезное. Нам просто комфортно вместе, вот и все.

Мы приятно проводим время: ужинаем, занимаемся сексом, разговариваем, но ни в его, ни в мои планы уж точно не входит строить друг с другом семью.

Я вообще не уверена, что хочу строить с мужчинами эту самую семью. В этом плане мне достаточно Юли. Все остальное — просто чтобы хоть иногда чувствовать себя слабой женщиной, вот и все.

— Привет! — здоровается Юля.

— Привет, — Максим кивает. — Отпустишь маму со мной поужинать?

— Макс! — шикаю.

— Нет! — тут же с обидой в голосе отказывает Юля.

— Я просто спросил, — Максим вздыхает и расплывается в неловкой улыбке.

— Я же просила, — шиплю, едва себя слыша.

— Прости. Просто, — переходит на шепот, — давно тебя не видел.

Это правда. Последние три недели Максим был в командировке. Он кризис-менеджер. Помогает компаниям продержаться на плаву в не самый лучший период их жизни. В этот раз помогал не потонуть кому-то за Уралом.

— Давай споемся завтра, — улыбаюсь, глядя на него с уверенностью, что он поймет.

— Ладно. Сладких снов, Юль.

— Ага, — дочь взмахивает рукой и, судя по взгляду, ждет, когда Макс уйдет.

— Пока, — шепчу, подойдя ближе к двери.

Максим мнется на пороге, между лестничной клеткой и нашей прихожей. Смотрит все это время на мои губы.

Мотаю головой.

У меня есть правило: Никаких телесных проявлений наших отношений при моей дочери!

— Пока, — повторяю.

— До завтра, — кивает, и я закрываю за ним дверь.

— Мам, — Юля подбегает ко мне и обнимает за ноги.

— М?

— Ты же не уйдешь сегодня больше?

— Конечно не уйду. Пойдем будить Дарью Ивановну, а потом сядем ужинать.

— Пошли.

Юля широко улыбается и бежит в гостиную.

Хотя назвать это гостиной — громко сказано.

У нас двухкомнатная квартира. Одна комната — Юлина, вторая — моя: та самая гостиная, в которой я каждый вечер разбираю для себя диван.

Мы живем тут почти два года. До этого мотались сначала по коммуналкам, потом по съемам. Ипотеку мне одобрили не с первого раза, поэтому своего собственного дома у нас не было весь Юлин малышковый период.

Правда, теперь, с наличием своей квартиры и огромного долга за нее, легче не стало. Даже сложнее. Проценты бешеные, платеж выдирает большую часть моей зарплаты. Денег всегда впритык, но мы справляемся.

Да, ремонт у нас сделан моими руками. Самые недорогие обои, линолеум, пластиковые панели в ванной, в общем, все то, что я смогла приклеить и прибить самостоятельно...

Мебель в общем-то тоже из разряда эконом, единственное, на что я сильно потратилась, — это детская кровать, ортопедический топпер, матрас, стиралка, холодильник и плита...

Мы не шикуюем, но и не нуждаемся. У нас все есть, а будет еще лучше. Обязательно будет!

Новая, маячащая на горизонте должность сулит высокую зарплату, поэтому отчаиваться времени нет. Да и не было никогда, если честно.

Сначала беременность, куча работы, роды, снова куча работы (параллельно с учебой), потом первый год Юлькиной

жизни с бессонными ночами и снова куча работы. Теперь, в общем-то, снова работа и все те же заботы, только уже о подросшем ребенке.

— Мам, я провожу Дашеньку до квартиры?

— Конечно.

Быстро прощаюсь с Дарьей Ивановной, и когда входная дверь хлопает, оставляя меня наедине со своими мыслями, понимаю, что готова на стены лезть.

Я устала. Ужасно устала.

Давлю пальцами на виски и выхожу на балкон, чтобы глотнуть немного воздуха. Распахиваю окно и делаю глубокий вдох.

Это смешно, но я впервые за последние полгода почувствовала себя измотанной. Сегодня. Просто, посмотрела на Стеклова, лощеного, ни в чем не нуждающегося и сравнила с собой...

Оказывается, увидеть Глеба было гораздо больнее, чем я всегда думала.

На самом деле, изначально, я подолгу мечтала о том, что мы когда-нибудь с ним встретимся. Я к тому времени буду успешной, состоявшейся, а он поймет, что на самом деле меня тогда любил. Пожалеет, что потерял...

Глупо. По-детски.

Я думала так, просто чтобы себя успокоить. А реальность... реальность оказалась жестокой. Он просто меня не узнал...

**Спасибо за актив и интерес к истории! Глеба послушаем немного позже ;)
Всех жду в комментариях))))**

**Пы.сы. на мой роман "Навязанная жена" открылась подписка
и сейчас на книжку действует хорошая скидка!**

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/Pcr8>

Глеб

Алиса?

Я узнал ее по голосу.

Это случилось в мгновение ока. Просто миг, за который я уверился, что за моей спиной стоит именно она.

Так бывает вообще?

Поворачиваю голову. Неосознанно, скорее рефлекторно.

Хватает секунды, чтобы удостовериться окончательно:
это она.

Не узнать было невозможно — *это Алиса.*

На ней широкие серые брюки, бледно-розовая рубашка, волосы распущены. Касаюсь взглядом ее лица и сразу отворачиваюсь.

Все происходит за секунды, но я выхватываю каждую черточку, каждую изменившуюся в ней деталь.

Не видел ее целую вечность, но ощущение — словно все случилось вчера...

Она изменилась. Судя по растерянному взгляду, отдающему холодком, тоже меня узнала, но так и не перестала ненавидеть.

Значит, я во всем был тогда прав...

Киваю Артему, который никак не может заткнуться, снова и снова скуля о деньгах, которых ему вечно впритык. Хочется пристрелить его на месте, лишь бы он замолчал.

Зажмуриваюсь, чтобы хоть немного привести мысли в порядок. Мне нужна ясная голова.

Так, получается, она на него работает? Как давно? Нужно будет узнать. Или не стоит?

— Потом, — отмахиваюсь от Алентова, и, сунув руки в карманы, покидаю приемную.

Чувствую себя странно. Это знакомая странность. Так меня накрывало только рядом с ней. Там, в прошлом. Когда ты понимаешь, что не особо-то и достоин человека, но тебе на это плевать.

Мне было слишком плевать, иначе вряд ли бы я довел спор до конца...

Тогда я так сильно ее хотел и так поздно понял, что творю дичь. Мое эго не унималось: я не мог проиграть и не мог окончательно признать, что влюбился в нее настолько, что готов меняться.

Я был не готов. Иначе не дал бы Герману послушать видео, на котором Алиска подо мной стонет.

Спускаюсь во внутренний двор Артемкиного офиса и сажусь в тачку. Пару минут сижу за рулем, обездвиженный. Мозг подкидывает хаотичную вереницу воспоминаний.

Их мало. Нас не так много и связывало, но найти похожую потом так и не получилось.

А я искал?

Нет.

Ни ее, ни другую. Зачем?

Серьезные отношения не для меня. Ни тогда, ни сейчас. И тем не менее в груди печет.

Откидываюсь затылком на подголовник, закрываю глаза и отматываю время вспять. В тот самый день, когда Алиса узнала, что я на нее поспорил.

Прошное

— Где она? — врываюсь в общагу, и девчонки рассыпаются в стороны.

Еще бы не разбежаться: у меня руки по локоть в крови, и это не метафора. Полчаса назад я избил Геру до такой степени, что вообще не уверен, жив ли он.

— Кто? — визжит Алинка.

— Сестра твоя где? — кричу, все еще в состоянии аффекта.

Герман приперся ко мне сам, сам рассказал, что просветил Алиску о споре. И на это мне было плевать; задело другое: он в подробностях рассказал, как ее лапал и как она его испугалась. Ему было весело, он ее хотел и даже не подозревал, что меня это не устроит.

Не помню, в какой момент его ударил; очухался лишь у тачки, зажатый своей же охраной.

Моргаю, впиваясь взглядом в Алискину сестру.

— Я не знаю. Не знаю!

— Я тебя убью сейчас!

— Она уехала, Глеб, — кричит Таня. — Уехала.

— Куда?

— Купила билет в Питер. Она тебя не простит.

Таня качает головой, и я понимаю: она права. Не простит.

Забавно, что мне этого и не нужно.

Я просто хочу удостовериться, что с ней физически все в порядке и что этот урод...

— Какой вокзал?

— Не зна...

— Какой вокзал?! — кричу, и девки снова вжимаются в стены.

— Ленинградский...

Зажмуриваюсь и, хлопнув дверью со всей силы, выхожу из студенческого блока. Быстро сбегая по лестнице и прыгаю в тачку. Еду на вокзал.

Мир сужается до одной точки. Руки дрожат. Сжимаю руль пальцами, будто хочу его сломать. Дальше снова все как в тумане.

Я стою на перроне и пытаюсь найти ее в толпе. Это нереально. Совсем.

Поезд еще не ушел.

Расталкиваю людей и как маньяк заглядываю в окна. Ее нет.

Поезд трогается и начинает медленно набирать скорость. Замираю, глядя, как удаляются вагоны. Руки обессиленно повисают вдоль тела. Внутри все обрывается в этот момент.

Чувствую тычок в плечо, но даже не поворачиваю голову. Просто смотрю на последний вагон и понимаю: все кончено.

Так даже лучше. Для нее уж точно. Киваю своим мыслям и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Я не буду ее искать просто потому, что в этом нет никакого смысла. Она не простит.

Это же Алиса!

А я... мне, наверное, просто приснились все эти чувства.

Просто показалось. Просто захотелось чего-то нового. Только и всего.

Я и любовь...

Какая к черту любовь? Смешно...

Настоящее

Открываю глаза, завожу тачку и медленно выезжаю на дорогу. Две машины охраны едут следом.

Я прилетел в Питер на два дня. К Марьяне. Она решила провести это лето здесь и встряла в неприятности. Кто бы мог подумать?!

Заодно решил заскочить к Артемке. Просто для профилактики. Я отбил его у стайки местных разводил, с которыми его свел бывший партнер по бизнесу три года назад. Хотя бизнесом это можно было назвать с натяжкой. Они грозили ему физической расправой и умело поставили на бабки.

Понятия не имею, что мною в тот момент руководило, когда я в это впутался. Может, сочувствие?

Знал бы я тогда, что Тема, как та рыба-прилипала, прошел бы мимо.

А теперь его будто и послать жалко, потому что через месяц он окажется в какой-нибудь подворотне с бомжами. Тип притягивает к себе неприятности магнитом.

Хотя, если бы не заскочил в алентовский офис сегодня, не увидел бы Алису.

Получается... случайности не случайны?

С каких пор я вообще в такое верю?

Сворачиваю на Крестовский и пишу Марьяне, что подь-

езжаю.

Сестра не в восторге от моего появления в городе, но та задница, в которую она встряла, сама бы из себя не вытащи-ла.

Оставляю машину прямо у подъезда и поднимаюсь на пятый этаж. Марьяна уже открыла все двери и ждет меня в прихожей.

— Привет, — киваю, переступив порог.

— Ага, — фыркает и, круто развернувшись на пятках, топает вглубь хаты.

— Это вместо спасибо? — иду за ней следом. — Пожалуйста.

— Ага, — падает на диван и вжимается в угол.

— Многословно, — сажусь в кресло, стоящее напротив оттоманки. — Какого, Марьяна? У тебя три жизни?

— Я просто переборщила с шампанским!

— Просто переборщить с шампанским — это уснуть за барной стойкой в клубе. А когда тебя притаскивают на какую-то хату два чувака, чтобы трахнуть, это уже не «просто переборщила», — неосознанно повышаю голос. — И все это случилось потому, что ты сбежала от охраны.

— Я тебе говорила, что мне не нужны эти верзилы!

— Эти верзилы ограждают тебя вот от таких ситуаций.

— Правда? — смеется. — Может, ты себя лучше вспомнишь, а?

— Не обо мне речь!

— А если я не хочу жить по этим твоим правилам? Я не хочу! Понял? — захлебывается злостью и вскакивает с дивана. — Ты мне не папа!

— Естественно. Его уже сожрали черви.

Марьяна замирает, а я замечаю, как у нее дрогнули плечи.

— Ты монстр! — выпаливает резко, едва сдерживая слезы.

— А ты дура, если до сих пор не можешь понять одну простую вещь: когда твоему отцу в башку стреляет снайпер, нужно засунуть свое мнение в зад и делать так, как тебе говорят. Я тебе говорю — ездь с охраной. Ты мне чем отвечаешь?

Марьяна всплескивает руками и несется обратно в спальню. Судя по хлопкам, открывает шкаф, а по звуку разъезжающейся молнии — выковыряла чемодан.

— Если я здесь пленница, то вернись обратно в Париж.

— А какого х*я ты вообще оттуда приперлась?

— Может, у меня любовь! — орет через стену. — Но тебе не понять. Ты бесчувственный монстр. Ты кроме себя никого не любишь и никогда не любил. Ты...

— Ну-ка, удиви, — подпирая плечом дверной проем, наблюдаю, как Мари раскидывает свое тряпье по чемоданам.

— Я тебя ненавижу! Ты?! Вот ты, будешь рассказываешь, как мне жить? Самому не смешно? Ты же по горло в крови!

— Каждый день ухахатываюсь.

— Если бы папа был жив...

— Он бы точно научил всех нас жить законопослушно?
— смеюсь. — Все это, — обвожу руками воздух, имея в виду бизнес, связи, включая их темную сторону, — его наследство. На которое ты кутишь в Париже, Майами и еще черти где. В такие моменты тебя мало волнует, откуда берутся деньги, на которые ты отжигашь.

— Ты меня деньгами попрекаешь?

— Я тебя сам убью сейчас, — бешусь просто потому, что больше не вывожу этот тупой разговор по кругу. — Вали обратно в свой Париж!

— А я, — прищуривается и отпихивает чемодан, — передумала. Хочу остаться здесь. У меня, между прочим, парень появился. Мы полгода переписывались, — выдает с гордостью.

— Поздравляю. Свалишь от охраны — я лично тебе шею сверну. Поняла? Никаких уродов не понадобится.

Марьяна шумно выдыхает, кивает, а потом спрашивает:

— А что с теми... двумя?

— Рыб в заливе кормят. Все, я уехал, — иду к двери и от души хлопаю ей напоследок.

Идиотка!

Спускаюсь на улицу, хватая ртом теплый вечерний июльский воздух, не спеша сажусь в тачку.

Хочется пройтись, если честно.

Мозг плавится.

Отца не стало три года назад. Он вписался в очень нездо-

ровую тему, и его убрали.

Я, конечно, всегда понимал, что в семейном бизнесе есть и так называемая темная сторона, но о масштабах не догадывался.

Пришлось в быстром темпе вникать, а потом договариваться, чтобы следом за отцом по могилкам всю нашу семейку не разложили. Папа все это дерьмо начал, а я разгребаю. И удовольствия вот вообще не испытываю.

— Глеб Маркович, — догоняет охранник. — Там Гаврилов звонит. По поводу отгрузки в порту.

— Скажи, что я дал добро.

В некоторых вопросах до сих пор приходится проявлять гибкость...

— Понял.

Убираю руки в карманы и иду дальше, в сторону яхт-клуба.

Честно говоря, вообще не помню, когда последний раз вот так, без какой-то цели, ходил пешком.

Все осточертело.

Забавно, что я сегодня три раза вспомнил свои универовские годы. Было легко. Никаких забот. Никаких проблем. Вечный праздник. Феерия...

И почему я встретил ее именно сегодня?

Хмурюсь, достаю телефон и набираю Алентова.

— Ты где?

— Я... я тут... что-то срочное, Глеб Маркович? Мне нуж-

но приехать?

— Нафиг ты мне сдался?! Про Алису расскажи.

— Какую?

— Ростовецкую, наверно. У тебя работает.

— А, Алиса. Три месяца работает, да. У нее только испытательный закончился. А что, понравилась?

— Мы учились вместе, придурок.

— А, простите. Я не знал, — тараторит, отдаляясь от источника громкой музыки.

— Лучше скажи, что у нее на личном?

— В разводе, наверное.

— Почему «наверное»?

— У нее ребенок есть, но про мужа она не говорила ни разу. Разошлись, видимо. Ну и в паспорте без отметок.

— Понял. Ладно, давай, праздную жизнь дальше.

Делаю еще пару шагов, а потом жестом зову охранника.

Алиса. Алиса. Алиса.

И зачем же мы снова встретились?

— Слушай, найдите мне адрес Ростовецкой Алисы... — напрягаю память, чтобы вспомнить ее отчество, но в итоге понимаю, что я его и не знал никогда. — У Алентова работает, короче. Ну и так, в общих чертах пробежите, что к чему.

— Понял. Пару часов подождете?

— Попробую. Все, исчезни.

Алиса

«В Санкт-Петербурге восемь часов утра. Солнечно», — звучит по телевизору.

— Вы бы хоть в окно смотрели, — вздыхаю, задерживая тюль. Еще с ночи льет, как из ведра.

— Мама, я готова!

Юля забегает на кухню в ярко-розовом купальнике. Сегодня суббота, и по плану у нас аквапарк.

— Солнышко, сначала завтрак, — накрываю кастрюльку с кашей крышкой.

— Не буду, — дочь морщит нос и крутится вокруг своей оси, наслаждаясь, как вместе с ней кружит юбочка, пришитая к трусикам.

— Юль, — делаю голос строже.

— Ну, мам...

— Давай хотя бы утром в тебя попадет нормальная еда. Ты ведь сто процентов захочешь пообедать мороженым.

— Ладно, — дочь обреченно вздыхает и забирается на стул, вооружившись ложкой.

Пока ставлю перед ней тарелку и варю себе кофе, на телефон «падает» сообщение от Нади.

«Алиса, форс-мажор, через час надо быть в офисе».

Несколько раз перечитываю сообщение и с опаской смотрю на дочку. Она грезилась аквапарком последний месяц, за который я бесчисленное количество раз кормила ее «завтраками». И вот когда мы все-таки нашли время, все снова летит к чертям.

Написать Наде, что не могу, — не вариант. У меня только-только закончился испытательный. На собеседовании я всеми правдами и неправдами уверяла эйчара, что наличие у меня ребенка никак не повлияет на работу, которая часто бывает сверхурочной за доплату.

Зажмуриваюсь и крепко стискиваю в руках смартфон. Вот что теперь делать?

Юля весело болтает под столом ногами, и я без труда могу прочесть ее мысли. Она УЖЕ катится с очередной горки в аквапарке и плещется в бассейне.

Как я сейчас скажу ей, что все снова переносится?

Как?

— Мам, я доела, — показывает чистую тарелку. — Пойду рюкзак соберу. Нужно взять нарукавники и новые шлепки с пчелками.

Юля спрыгивает на пол и бежит к себе. Я же сползаю к полу, прислонившись к тумбе кухонного гарнитура, и чувствую, как дрожат руки. Хочется реветь навзрыд.

Я уделяю своему ребенку крайне мало времени просто потому, что хочу обеспечить нам достойную жизнь. Я так сильно стараюсь, но кажется, этого недостаточно.

Я ужасная мать.

Всхлипываю и зажимаю рот ладонью.

Нужно собраться. Нужно встать, взять себя в руки и попробовать все объяснить дочери. Только какие слова подобрать?

Я ей обещала. Обещала же!

Вытираю слезинки на щеках и, с шумом выпустив воздух из легких, поднимаюсь на ноги.

Когда заглядываю в детскую, Юля скачет на коврике в виде классиков. Заметив меня, поворачивает голову и машет рукой.

Прохожу вглубь детской и присаживаюсь на кровать, зажимая ладони коленями.

— Юль, — зову совсем тихо. — Юля, — делаю это уже громче. — Подойди, пожалуйста.

Юля заканчивает прыгать и бежит ко мне.

— Чего? — сдувает со лба челку.

— Доченька, мы с тобой обязательно ходим в аквапарк, но...

— Не сегодня? — спрашивает шепотом.

Качнув головой, сжимаю ее ручки в своих ладонях.

— Мне нужно срочно сходить на работу. Я понимаю, что обещала... но...

Юля всхлипывает и вырывает руки.

— Ты всегда только обещаешь! — ее голос дрожит от обиды, а глаза наливаются слезами.

В горле встает ком, и я не могу вдохнуть. Она права. Я действительно всегда только обещаю...

— Доченька... — пробую обнять ее, но Юля отшатывается от меня, как от огня.

— Я ненавижу твою работу и хочу, чтобы тебя уволили!

Хватаю ртом воздух и не знаю, что ей сказать.

Что? Что нам нужны деньги? Что если я потеряю эту работу, нам будет еще хуже? Она шестилетний ребенок. Она не должна думать о деньгах. Она должна думать о горках и бассейнах с шариками.

— Я... я постараюсь вернуться побыстрее, — шепчу, сама не веря в свои же слова.

— Ты всегда мне врешь, мамочка. Всегда!

Юля начинает рыдать, а мой телефон, лежащий на кухне, оживает.

Это сто процентов Надя.

Звонок звучит как приговор, усиливая чувство безысходности. Я нервно перевожу взгляд то на дочь, то на дверной проем. Юля замолкает.

Мы переглядываемся, и я вижу в ее глазах чистую детскую ненависть. Она злится на всех вокруг. На мою начальницу, которая выдергивает меня на работу, на меня, потому что я, в ее глазах, бросаю свою дочь...

— Мне нужно ответить, — шепчу и поднимаюсь на ноги. Колени подкашиваются.

Торопливо перемещаюсь на кухню и механически подношу телефон к уху.

— Алло? — хриплю в трубку.

— Алис, ты где? — кричит Надя. — Ты в курсе, что случилось? У строителей перенесли сроки проверки, клиент орёт, нужно завершить все сегодня. Это срочно!

Дочь в это время выглядывает из детской, замирая в дверном проеме.

— Я выезжаю, — говорю глухо, видя, как Юля в этот момент разворачивается и бросается к своей кровати, зарыва-

ясь лицом в подушку. Ее плечики вздрагивают от тихих, над-
рывных всхлипов.

— Час? Алис, ты издеваешься? Тебе ехать минут трид-
цать! Жду через полчаса. Все!

— Постараюсь, — бормочу, слыша в ответ гудки.

Обессиленно опускаю руку, и телефон падает на пол —
мои пальцы больше просто не в силах его держать.

Мне физически плохо. Голова кружится, тело кажется
слишком тяжелым, и я едва нахожу в себе силы, чтобы сде-
лать шаг.

Потом еще и еще один, пока не добираюсь до детской.

Юля лежит на кровати, свернувшись в комочек. Снова по-
давив в себе всхлип, ложусь рядом с дочкой и крепко ее об-
нимаю.

— Солнышко, прости меня, — шепчу и глажу ее по го-
лове. Юля вздрагивает, но не отстраняется. — Я понимаю,
что тебе обидно. Правда-правда. Мы обязательно сходим в
аквапарк, я даю тебе слово. Слышишь? Если мама не будет
работать, мы не сможем покупать тебе красивые платья, хо-
дить в аквапарк...

— Мне не нужны красивые платья! И аквапарк не нужен!
Я хочу быть дома с тобой! Вдвоем!

— Я знаю, — шепчу, и слезы наконец прорываются, ска-
тываясь огромными каплями по щекам. — Я знаю, моя хоро-
шая. Я постараюсь... я обязательно постараюсь исправить-
ся. Мы... мы обязательно пойдем. Вдвоем. Обещаю. Честное

мамино.

Юля медленно переворачивается и заглядывает мне в глаза.

Смотрит, конечно, с недоверием, но я вижу в ее глазах надежду и немного выдыхаю.

— Правда? — шепчет.

— Правда, — киваю, вытирая ее слезы и свои. — Честное-честное мамино. А сегодня... — глубоко вдыхаю. — С тобой остается Дарья Ивановна. Ладно? Она заберет тебя к себе, накормит обедом, поиграет. Я буду стараться приехать домой быстрее, ладно? А вечером мы с тобой сделаем пиццу. С ананасами. Ты же любишь?!

Юля все еще надувшись сопит, изучая мое лицо. Видимо, ищет подвох.

— Хорошо, — соглашается, едва заметно кивнув. — Только... только правда приходи быстро.

— Конечно, — улыбаюсь и целую Юлю в щеку, крепко прижимая к себе. — Я сейчас позвоню Дарье Ивановне.

Пока Юля, всхлипывая, слезая с кровати, я бегу на кухню и хватаю с пола телефон. Пальцы все еще дрожат, когда набираю номер соседки.

— Алло? Дарья Ивановна, это Алиса... Извините, что беспокою, но у меня жуткий форс-мажор на работе... Не могла бы вы снова посидеть с Юлей?

— Конечно, Алисочка.

— Спасибо вам. Спасибо, — тараторю и, положив трубку,

выдыхаю.

Юля в этот момент заглядывает на кухню, и по ее щеке снова катится слезинка.

Крепко стискиваю зубы, чтобы снова не заплакать, и бросаю взгляд в окно, за которым хлещет дождь.

Холодные струи стекают по стеклу, как слезы. Иногда цена «достойной жизни» оказывается слишком высока, потому что расплачиваются за нее наши дети. Расплачиваются одиночеством, своими слезами и разбитыми надеждами.

Я снова чувствую себя предательницей, но еще отвратительнее я почувствую себя, когда вернусь домой...

Глеб

Два дня затягиваются на неделю.

По городу проходит слух, что я в Северной столице, поэтому избежать некоторых приятных и не очень встреч не получается.

В среду как бы случайно пересекаемся в кофейне у Казанского собора с Уваровым. Виктор Сергеевич вскользь упоминает о небольших сложностях с документацией в порту и необходимости заручиться поддержкой Валида.

Вечером на этой же теме «наслаждаемся» видами города с Невы уже втроем: я, Уваров и Асхадов. Разговор снова идет про особые условия прохождения наших грузовиков через терминал и благодарностях отдельным людям в портовой администрации.

Приходим к общему мнению, через кого можно почти в белую протащить груз, и, естественно, выпиваем за успешный исход дела.

В четверг встречаюсь с купленным чинушей в закрытом мужском клубе. Много пьем и говорим ни о чем. Только под конец касаемся порта и вскользь одобряем пару «серых схем».

Все это время я держу в голове информацию, которую моя служба безопасности нарыла на Алису. У нее и правда есть дочь. Есть дочь и нет мужика. Замужем она тоже не была, хотя разве в наше время — это что-то значит?

Ребенку пять лет и восемь месяцев. Если чуть ослабить контроль и позволить мысли о том, что она может быть моей дочкой, закрасться в голову, пальцы на руках начинают подрагивать.

Если она мой ребенок, это хорошо и плохо одновременно.

В пятницу с утра отходим на яхте в залив с Виктором Сергеевичем и Валидом на рыбалку.

Бухаем и снова обсуждаем висящую над нами проблему.

— Груз может застрять, — нервно дергается Асхадов и заликает в себя стопку водки.

— Каким образом? — откидываюсь на спинку дивана.

— А мало вариантов?

— Полно, — киваю в знак согласия.

Алкоголь не притупляет чувства. Не смягчает обстановку, наоборот, только накаляет. Все на нервах. Все трясутся за свое бабло и свободу. Я не исключение, естественно.

— Ты же понимаешь, Глеб, мы все в одной лодке, — мягко напоминает Виктор Сергеевич.

— С вами забудешь... Он сказал, что в случае чего все разрулит, — повторяюсь.

— Дай Бог, — вздыхает Уваров и наливает еще по рюмочке.

А уже утром в субботу мы с ним один на один встречаемся на набережной у Лахты и неспешно прогуливаемся вдоль залива. Говорим, как и всегда, о больших возможностях. Уваров проталкивает свое мнение о важности доверия, мол, мы все в связке.

Бегло обсуждаем конкретные шаги, когда груз пересечет границу: вплоть до номеров терминалов, подписей на бумажках и сумм, которые придется отстегивать направо и налево.

Все это время ветер и мелкий дождь быют по роже. Зонты не спасают. А поговорить без людей требуется. Хотя по итогу нам остается тупо ждать. Ждать и надеяться, что все пройдет гладко.

После встречи с Уваровым возвращаюсь в отель, понимая, что задержусь в городе еще на сутки. Мысли о Алисе не покидают, поэтому я решаю навеститься к ней сам.

После душа и плотного завтрака брею морду, которая за неделю обросла щетиной, и еду по адресу, где она живет.

Обычный район со старым фондом. Не очень далеко от центра. Алиска взяла здесь двушку в ипотеку, и, судя по бумажкам из банка, платить ей ее еще лет двадцать.

Припарковываю машину во дворе и, прихватив с заднего сидения пакет, поднимаюсь в квартиру. Дверь в подъезде девятиэтажки открывается ключом-таблеткой, но замок старый, и ее достаточно лишь посильнее дернуть.

Второй этаж. Квартира пятьдесят три.

Замираю на черном коврике и вжимаю палец в кнопку звонка.

Неделя была настолько бешеной, что каких-то особых эмоций я не испытываю.

Дверь открывается не сразу, а когда это случается, слышу детский взволнованный голос:

— Дашенька, я не сбегала, я просто хотела взять куклу...

Девочка тараторит, распахнув дверь, и только потом поднимает взгляд.

— Здравствуйте, — хлопает глазами, прижимая к груди плюшевого ежа.

— Привет. Мама дома?

— Мама на работе.

— И не говорила, что чужим открывать дверь нельзя?

— Я не вам открывала, — вздыхает, начиная активно тереть пальцами кончик хвоста. — Я сижу у соседки, на третьем этаже, — поясняет, — но она постоянно спит и смотрит скучные передачи. Я... — переходит на шепот, — от нее сбежала, чтобы посмотреть мультик. Она даже не заметит.

— Понял, — киваю, уже более внимательно рассматривая девочку.

Она похожа на Алису. Копия. Глаза, вздернутый нос и характер...

Под ребрами в этот момент начинает щемить. Такая тупая, непривычная и слишком назойливая боль.

— А как вас зовут? Я маме передам, что вы заходили, — спрашивает, нервно сжимая в руках плюшевого ежа. Еще немного, и у бедного зверя от этого давления глаза из орбит вылетят.

— Может, ты позволишь мне подождать маму внутри? — киваю девочке за спину, в прихожую. Там тесно, но чисто. Висят яркие детские куртки, стоят крошечные розовые кроссовки.

— Документы покажите.

Юля откладывает ежа на тумбу позади себя и по-деловому откидывает хвостики за плечи.

— Документы? — невольно усмехаюсь. Это что-то новенькое. Общаться с детьми мне не впервой, но Юля превосходит все мои ожидания. Бойкая. Как и ее мать в свое время.

— Права подойдут?

— Да! — часто кивает, уже протягивая руку.

— Тогда держи, — отдаю пластиковую карточку.

Юля ловко хватает ее одной рукой, а другой тут же вынимает из кармана шортс смартфон.

Слышу отчетливый щелчок камеры. Она их фотографирует?

Приподнимаю бровь. Юля смотрит в экран телефона, а потом на меня. Выглядит очень серьезной.

— Нате, — возвращает обратно. — Я отправила маме, — поясняет, но буквально пару секунд спустя ее лицо становится озадаченным. — Не отвечает... — Закусывает губу, сильнее прежнего. — И не читает, — добавляет тише, снова упираясь в меня взглядом.

— Может, занята? — предполагаю, и Юля тут же часто кивает.

— Да, она на работе. Ее вызвали. Срочно. Мама много работает, — вздыхает. — И устает. Мне хочется, чтобы она чаще была дома, — всхлипывает и, схватив с тумбы ежа, прижимает его к лицу.

Пауза затягивается. Девочка продолжает шмыгать носом,

будто вот-вот разрыдается и вот это самое ожидание вводит меня в ступор. Приходится стиснуть зубы, чтобы с бросить это тупое оцепенение.

— Ты плачешь? — спрашиваю, чувствуя себя идиотом.

Юля мотает головой, прижимая игрушку к лицу сильнее.

Шумно выдохнув, присаживаюсь перед девочкой на корточки.

— Слушай, — касаюсь тоненького детского запястья. — Уверен, что мама тоже хочет быть дома чаще, просто не может. Взрослая жизнь — сложная штука, я тебе скажу.

— Вы тоже редко бываете дома? — высовывает один глаз из-за ежа.

— Только спать прихожу.

— Ого.

Юля хлопает длинными и густыми ресницами, все еще шмыгая носом.

— Угу, — киваю и выпрямляюсь.

— А откуда вы знаете маму?

— Мы... — касаюсь ладонью затылка, — вместе учились. В университете.

Юля хмурится, словно вспоминает, что вообще такое этот университет.

— Я на следующий год пойду в школу, — сообщает между делом.

— Класс, — киваю, глядя поверх Юлиной головы в узкий коридор квартиры. Вижу край кухни и детский рисунок

на холодильнике — желтое солнце с лучами-спиральками. —
Твой рисунок? — киваю в глубь квартиры.

Юля оборачивается.

— Ага. Мой. Это я давно рисовала. В том году.

— Понятно, — улыбаюсь, сам того не осознавая.

Юля же замолкает. Смотрит на меня, как ребенок, который понимает, что накосячил, сбежав от соседки, и теперь не знает, что делать с незваным гостем, пока мама недоступна.

Она ждет, что я буду делать дальше. Уйду или зайду в дом без разрешения?!

— Как зовут соседку? — оглядываюсь на лестницу.

— Дашенька.

— И она спит?

— Да. Всегда спит. Или смотрит скучные передачи, — тяжело вздыхает.

В моменте я даже копирую этот ее вздох. Неделя адреналина, не кончающейся водки и нервотрепки вызывает именно такую эмоцию. Хотя то, что теперь я стою перед пятилетней с плюшевым ежом, решая, нарушать ли неприкосновенность жилища или оставить ее тут одну, вызывает гораздо больше эмоций.

Только вот они сковывают. Я чувствую себя неудобно, кто бы мог подумать.

А еще мне впервые становится страшно. Если Юля окажется моим ребенком, получится, что меня в ее жизни не было почти шесть лет...

Алиса, твою мать!

— Я подожду твою маму внизу, в машине, — принимаю решение уйти. — Хорошо?

— Хорошо, — Юля быстро соглашается и тут же начинает прикрывать дверь.

— И... — добавляю, когда расстояния между дверью и косяком почти не остается. — Не открывай дверь незнакомцам...

Из щели мелькает ее кивок, и дверь с глухо захлопывается. Чуть погодя щелкает замок. Умная девчонка.

Спускаюсь по лестнице, ощущая странную пустоту в груди.

Это не разочарование. Скорее... неверие.

Она и правда может быть моей дочкой...

Как только сажусь в машину, сразу тянусь за сигаретами. Прикуриваю и открываю окно.

Затягиваюсь, а дождь будто нарочно громче барабанит по крыше.

Груз в это время висит где-то на границе. Партнеры нервничают. А я сижу в промозглом питерском дворе, курю и думаю о пятилетней девочке, которая, возможно, моя дочь...

Жизнь — чертов цирк. И главный клоун в ней я. Остается только гадать, что скажет Алиса, когда увидит фото моих прав на своем телефоне. И главное — когда.

Откидываюсь затылком на подголовник и выдыхаю дым. Окно приоткрыто, и холодные назойливые капли залетают в

салон. Ежусь. Ненавижу дождь.

Прикрываю глаза, прокручивая в голове короткий разговор с Юлей. Анализирую. Больше, конечно, ее внешность. Она может быть моей дочерью? Может. Она на меня похожа? Скорее нет, чем да. Хотя моя мелкая сестра вообще не похожа на нашу мать, она – вылитая прабабка, судя по фоткам...

Проходит полчаса. Дождь усиливается. Алиса на горизонте, естественно, не появляется. Зато я вижу Юлю. Она выбегает из подъезда и, оказавшись посреди двора, замирает под дождем. Крутит головой по сторонам и... ревет?

Толкаю дверь тачки, вылезаю из салона, и меня тут же передергивает от попадающих за шиворот ледяных капель.

Заметив меня, малая тут же трет глаза и бежит в мою сторону.

— Там! — хватает за руку. — Там Дашенька упала и не встает!

Жду обратную связь ##

Тж сегодня 30% скидки на мои романы о мажорах, которые возвращают свою любовь!
 Пресыщенность ядом
 <https://litnet.com/shrt/Pdy6>

 Не отпущу, моя девочка
 <https://litnet.com/shrt/PdJ6>

 Прыжок в бездну
 <https://litnet.com/shrt/Pd66>

То, что эта бабка в принципе до сих пор жива, уже чудо! На вид ей лет девяносто, не меньше.

Прощупываю пульс – он есть.

Слава богу, скорая приезжает быстро. У старушки подскочило давление до отключки, чем она до чертиков перепугала малявку. Видимо, передачи о маньяках, расчленяющих своих жертв, – не для шалящих бабкиных нервов. Именно такая и звучит фоном по телеку, пока я звоню в скорую, параллельно убеждая Юлю, что ее нянька не откинулась на тот свет, а просто прилегла отдохнуть.

Врач ловко делает бабке укол и, кивнув на старушку, просит:

— Мужик, помоги сгрузить на носилки. Осторожно только, кости хрупкие.

Беремся вдвоем с водителем, выносим носилки на лестничную клетку, и я замечаю, как Юля семенит за нами следом.

Когда двери «скорой» захлопываются и включается вой сирены, оглядываюсь. Юля стоит на крыльце подъезда в полнейшей растерянности и смотрит вслед отъезжающей карете скорой помощи.

— Слишком впечатлительная, твоя Дашенька, — улыба-

юсь, пытаюсь подбодрить девочку.

Моя охрана все это время сидит в тачках и молча наблюдает. Им отдан приказ не пугать ребенка и не вмешиваться. Думаю, для малой на сегодня уже хватит новых знакомств и потрясений.

— Она поправится? — Юля всхлипывает, глядя на меня снизу вверх огромными глазами. Они красные и заплаканные. В них столько страха, что даже у меня в горле встает ком.

— Конечно, — киваю и придерживаю дверь, чтобы малая зашмыгнула в подъезд.

Алиса до сих пор не ответила на Юлино сообщение. Трубку тоже не взяла, когда дочь ей звонила.

Малая не сразу сообразила, что я внизу в машине. А когда вспомнила, спустилась за помощью, потому что Дашенькина отключка ее сильно напугала.

Юля вытирает слезы тыльной стороной ладони и вяло шагает по ступенькам к себе в квартиру. В какой-то момент подлавливаю ее за шиворот футболки, потому что она запинается и начинает падать.

— Осторожно, — комментирую, продолжая держать ее за футболку, как котенка. — Смотри под ноги.

Юля кивает, не глядя на меня, и снова начинает карабкаться вверх, теперь держась за перила мертвой хваткой. Я иду следом и держу руку наготове, чтобы, если что, снова поймать малую. В голове при этом только одна мысль: где,

бл*дь, Алиса?!

Юля тем временем достает ключ из кармана шорт и дрожащими пальцами вставляет в замок. Щелчок, и дверь открывается. Малая зашмыгивает внутрь. Я же остаюсь на пороге, словно не решаясь переступить черту без разрешения. Но и уйти сейчас не могу.

— Юль, — произношу негромко и слышу, как где-то внутри квартиры закрывается дверь, а потом начинает шуметь вода.

Похлопав себя по карманам, достаю пачку и прикуриваю сигарету прямо на площадке. Прикрываю дверь и, прислонившись к косяку, наблюдаю, как из-за повышенной влажности в воздухе клубится дым.

Докурив, тушу окурок и засовываю его обратно в пачку.

Когда захожу в квартиру, Юля как раз покидает ванну и замирает в прихожей почти напротив меня.

— У нас нет таких больших тапочек, — всхлипывает. — Ботинки можно поставить там, — тычет пальцем на полку справа от меня.

— Хорошо, — киваю и разуваясь.

Юля переступает с ноги на ногу, а потом предлагает чай. Соглашаюсь.

Мы проходим на кухню. Малая встает на подставку, щелкает кнопку электрического чайника, открывает шкафчик и достает оттуда две кружки.

Спускается, бежит к холодильнику, вынимает оттуда ка-

кую-то закрытую тарелку и засовывает ее в микроволновку.

Пока чайник кипятится, кладет в кружки чайные пакетики.

— Это сырники, — объясняет, ставя на стол уже разогретую тарелку. — Мы с мамой вместе готовили. — Всхлипывает и возвращается на подставку. Берет чайник, воды в котором меньше половины, и разливает по кружкам.

Реагирую на кипяток тем, что привстаю со стула. Юля же виртуозно справляется с «чайной церемонией».

Забираю кружки и сам ставлю их на стол.

— Спасибо, — кивает и забирается на стул. — Мы с мамой любим делать сырники, и пиццу, а еще рулет. С орешками!

— Здорово, — киваю, а сам анализирую увиденное.

Судя по Юлькиной самостоятельности, Алисы часто нет дома...

Насколько я помню, моя младшая сестра в таком возрасте частенько ленилась самостоятельно одеться. А тут целый ритуал с чаем...

Делаю глоток, уже более детально осматривая кухню. Самая дешевая мебель, обои, покрытие на пол...

Все такое непривычное глазу, что ли.

Если Юля моя дочь, почему Алиса не сказала? Какого хр*на вообще?

— Вы с мамой давно тут живете?

— Нет. Мы раньше жили в другом месте, а еще раньше —

тоже в другом. Когда я была маленькой, у нас были соседи в комнате, мы с ними на кухне пили чай.

— Понятно, — киваю.

Юля хлюпает чаем, а когда у нее начинает звонить телефон, расплывается в улыбке.

— Это мамочка! — сияет и прислоняет смартфон к уху.

Я слышу лишь обрывки Алисиных фраз. Она на нервяке. Жутком, судя по тону.

— Мы пьем с Глебом чай, мам. Ладно. Ага.

Юля сбрасывает звонок и кладет телефон на стол.

— Мама едет домой, — сияет еще ярче.

— Отлично, — засовываю в рот половину сырника и в ожидании поворачиваю голову в сторону прихожей.

Алиса возвращается минут через двадцать после звонка. Вздвинутая. Перепуганная. Растерянная. Юля за это время успевает рассказать мне, как они с мамой зимой ходили на каток, как по вечерам прыгают у дома на скакалке, как пекут пиццу, читают книжки...

Поэтому, когда Алиса влетает в квартиру ураганом и почти сразу стискивает дочь в крепких объятиях, я чувствую себя лишним.

— Ты как? — тараторит Алиса и присаживается перед Юлей на корточки. — Сильно испугалась? — обхватывает ладонями ее щеки.

— Немножко, — Юля шепчет, а потом поворачивает голову в мою сторону. — Глеб мне помогал.

— Отлично, — Алиса часто кивает, улыбается сквозь слезы, продолжая смотреть на дочь. Меня для нее не существует. Но чувствую, что это только пока.

— Мамочка, почему ты плачешь? Это из-за Даши? — Юля начинает гладить Алису по голове. — Она поправится. Да, Глеб?

— Да, — отвечаю и вижу, как Алиса вздрагивает.

— Юляш, — шепчет она, — ты поиграй, пожалуйста, десять минут у себя в комнате. Хорошо? Нам с Глебом нужно поговорить.

Юля поджигает губы, бросает на меня быстрый взгляд, кивает и сползает со стула на пол.

— Хорошо. А ты не уйдешь сегодня больше? — шепчет Алиске на ухо.

— Нет.

Юля улыбается, прижимается к матери, а потом убегает к себе.

Я все это время неотрывно смотрю на Алису.

— Зачем ты приехал? — Алиса поднимается с пола, складывает руки на груди и впивается в меня взглядом.

— Она моя, — выдыхаю и понимаю, что это не звучит как вопрос.

Это констатация факта.

На роман «Бывшие» сегодня 25% скидка

— Она моя дочь? — Градов смотрит на Ясю, а у меня сердце в пятки уходит.
 — Нет, к тебе она не имеет никакого отношения.
 — Врешь. Я до сих пор знаю, когда ты врешь, Настя. Я же выясню. Зачем накалять?
 — Уходи. Ты нам никто, Руслан.
 — Поверь, у этого «никто» есть права.
 — У человека, который переспал с моей лучшей подругой, никаких прав нет и быть не может.
 — Все еще лелеешь обиды семилетней давности? Ты пойми, я сейчас по-хорошему с тобой пытаюсь поговорить. Компромисс какой-то найти.
 — Моя мама была права с самого начала, — выпаливаю на эмоциях и, не удержавшись, бью его по плечу. — Ты никогда мне не подходил. Жалкий трус и предатель. Был, есть и будешь. Только попробуй тронуть мою дочь, только попробуй!
 Градов ловит мое запястье, крепко сжимает, и я вижу, что от его улыбки и следа не осталось. Взгляд холодный. Губы сжаты, он даже желваками играет.
 — Я сделаю ДНК. Если тест покажет, что она моя дочь, о спокойной жизни забудь. Поняла меня? И мамаше своей шизанутой передай. Весело будет всем.

 Семь лет назад он причинил мне так много боли, а теперь он вернулся и хочет забрать мою дочь. Нашу...

Алиса

Я так быстро бежала. Так быстро...

Думала, что с ума сойду. Корила себя. Ненавидела за то, что оставила Юлю с Дарьей Ивановной, ни разу не подумав, что старушке просто может стать плохо.

Боже, что я за мать такая?

Давлю пальцами на переносицу, пока Глеб не отрываясь на меня смотрит.

— *Она моя...*

Он произносит это без колебаний, и все внутри обрывается. Дышать становится невозможно, я медленно задыхаюсь, а слова застревают в горле колючим комом.

Он знает? Знает!

Мне хочется орать, о том, что он ошибается. О том, что это неправда, но я просто в ужасе на него пялюсь.

На секундочку зажимаюсь и чувствую, как начинают дрожать руки.

Ненавижу! Я так сильно его ненавижу...

Как он посмел? После всего? Кто дал ему право вот так заявляться в наш дом?!

Упираюсь ладонью в спинку стула, неотрывно глядя на Глеба, и снова спрашиваю:

— Зачем ты приехал?

Он шесть лет обо мне не вспоминал. Шесть лет!

Я никогда не была ему нужна!

Он просто меня использовал, поиграл и выбросил, как какую-то сломанную куклу.

Для него это было привычно — сделать ставки, втереться в доверие, соблазнить и выкинуть.

Самый обычный порядок вещей в его жизни, что тогда, что сейчас. И судя по тому, с какой наглостью он появился сегодня на пороге нашего дома, Глеб не изменился. Совсем. Он все такой же беспринципный и думающий только о себе.

— Увидел тебя в офисе Артема и не смог удержаться. Захотелось узнать, как ты...

Скрипя зубами, отвожу взгляд и, переступив с ноги на ногу, нервно убираю волосы за уши. Нервно приглаживаю пушок на висках, растираю предплечья ладонями, а потом... потом снова смотрю на Стеклова.

Это так странно видеть его вживую через столько лет, еще и так близко.

Когда Юля прислала мне фото его прав, я чуть с ума не сошла. Глеб в нашем доме! Я и представить такого не могла...

Он приехал, потому что узнал, что Юля его дочь?

Но как? Посчитал? Нашел врача? Наводил о нас справки?

Получается, тогда, в офисе, он меня узнал и просто сделал вид, что мы не знакомы? Зачем?

Хотя, видимо, снова решил поиграть и пощекотать всем нервишки. Свалиться снегом на голову – это в его стиле. Ему ведь все в этой жизни можно!

— И как? — скидываю голову. — Узнал, как я?

— Узнал, — кивает и делает шаг вперед.

Инстинктивно отступаю, обнимая свои плечи, пока не упруюсь спиной в дверной косяк кухни.

Я хочу, чтобы он ушел. Мне трудно находиться рядом с ним физически, о моральном аспекте я вообще молчу. Меня воротит от одного вида его наглой рожи.

Меня воротит, а он подходит еще ближе и замирает на расстоянии двадцати сантиметров. Я чувствую запах его парфюма, сигарет и дождя. Такая легкая свежесть, с отголосками тоски. Перед глазами тут же встает картинка серого, хмурого неба.

— Почему сразу не рассказала? — шепчет, но каждое его слово режет меня без ножа.

Он звучит максимально отстраненно и холодно. Будто и не человек вовсе.

— Ей пять и восемь, — добавляет с ухмылкой и смотрит мимо меня, в сторону комнаты Юли. — Я имел право знать.

— Ты? — начинаю смеяться. Это нервное, конечно.

Мамочки, мой мир перевернулся тогда в одночасье. Жизнь разделилась на до и после, когда я узнала, что беременна. От него беременна, от человека, который просто поспорил на меня.

Ему было на меня плевать! Кому и что я должна была рассказывать?

Зачем? Чтобы он отправил меня на аборт? Бред!

Я думала о себе. О себе и о своем ребенке. Я должна была вытянуть нас со дна, как бы трудно не было это сделать в одиночку.

— Имел право? Ты, Стеклов? Самому не смешно? Ты меня, наверное, впервые за эти шесть лет вспомнил, — смеюсь.

Я смеюсь, Глеб хмурится, и между его бровей сразу появляется складка.

Угадала!

Атмосфера в кухне меняется. Я это ощущаю. Становится холодно и... страшно?!

Бросаю испуганный взгляд на дверь Юлиной комнаты, а потом смотрю на Глеба. В голове в этот момент проскальзывает мысль, что, если он ее у меня заберет? Что если купит суд?

Судя по машинам внизу, у Стеклова по-прежнему все в порядке с деньгами. Я по его меркам нищая...

— Я ее отец и имел право об этом знать, — продолжает гнуть свое, максимально спокойно. Он не повышает голос, но при этом все равно давит.

Мне хочется сжаться, закрыть глаза и раствориться в воздухе.

— Отец?! — издаю хриплый смешок, чувствуя, как к горлу поднимается горечь. — Ты чужой человек. Между нами

пару раз был секс, только и всего. Ты мной попользовался. Пospорил и выиграл, — качаю головой. — Какой же ты ей отец? — пожимаю плечами, и Глеб вздрагивает, как от пощечины. — Ты опасен, — шиплю на него.

Стеклов снова оглядывается на Юлину комнату, шумно выдыхает, а потом проходится по мне пугающим до чертиков взглядом. Он уже принял решение. Я это чувствую.

— Хорошо. Я сделаю ДНК, — произносит четко, отекающая каждую букву. — Все будет законно.

Он говорит это так легко, словно каждый день узнает о том, что у него есть дети...

И это страшно. Страшно, потому что ему плевать на чувства окружающих. Мои, Юлины... он думает только о себе. Всегда.

Всхлипываю.

— Не трогай мою дочь, Глеб! Я тебя умоляю, не трогай мою дочь!

Мне кажется, сейчас, осознав весь ужас ситуации, я умираю второй раз. Первый был, когда Юля написала мне, что находится в одной квартире с Глебом, пока нашу соседку увозят на скорой.

А сейчас я вижу его решимость и понимаю, что он теперь не отступит. Просто из принципа. Просто из-за своего дурного характера.

— Я тебе ее не отдам, ни за что! — почти кричу на него и резко замолкаю, понимая, что Юлька может нас услышать.

— Я не собираюсь ее у тебя забирать, Алиса.

— Тогда, — хватаюсь за его последние слова, как за спасательный круг, — тогда уходи и не возвращайся. Если ты говоришь мне правду, то оставь нас в покое. Мы чужие, Глеб. Ты ей чужой, — перехожу на шепот, а Стеклов мрачнеет.

— Если бы ты рассказала мне все сразу, моей дочери не пришлось бы жить в этом клоповнике и таскаться по съемным норам.

Он меня упрекает. Упрекает с таким лицом, словно знает эту жизнь от и до. Будто имеет право вот так со мной говорить...

Клоповник? Наша квартира для него клоповник?

Квартира, взнос на которую я копила несколько лет, а теперь готова работать сутками, чтобы поскорей выбраться из ипотечной кабалы?

Мои труды для него просто мусор?

Ёжусь и впиваюсь в него взглядом. Смотрю в наглые Стекловские глаза и начинаю тихонечко хихикать. Нервы сдают, черт возьми!

По его мнению, это я во всем виновата? Как мило и как удобно.

Ему было плевать на меня, но я все равно должна была приползти и упасть к его ногам?! Молить о помощи, так что

ли?

Козел!

— С чего ты вообще взял, что она твоя? — приподнимаю бровь. — ДНК-теста у тебя нет.

Я понимаю, что для него это дело пары суток от силы, но пока документов у него нет, пусть катится!

Глеб прищуривается, бегло сканирует меня взглядом, и уголок его губ едва заметно подергивается. Это такой едкий намек на улыбку.

— Будет, — кивает, снова глядя на дверь Юлиной комнаты.

— Но пока его нет, пошел вон из моей квартиры!

— С кем оставишь Юлю в понедельник? — убирает руки в карманы брюк и подходит ко мне еще ближе.

Теперь мы стоим почти вплотную. Слишком близко. И эта близость давит. Мне хочется исчезнуть, хочется, чтобы Стеклов наконец свалил. Еще немного — и меня начнет трясти от злости. Я его ненавижу. Так сильно ненавижу, что готова вцепиться ногтями в его наглую морду прямо сейчас и разодрать всё в кровь!

— Она сказала, что в садике ремонт и поэтому она сидела с «Дашенькой».

Юля! Болтушка маленькая, что еще она успела ему порассказать? Чужому дядьке, блин!

— Не твое дело, — упираюсь ладонью Глебу в грудь и резко отталкиваю его от себя.

Он поддается. Отступает и позволяет мне отскочить в сторону.

— Оставишь одну или потащишь с собой на работу? Как я понял, на постоянную няньку денег у тебя нет, — проговаривает монотонно.

— Уходи, — показываю на дверь, но он и бровью не ведет.

— Я могу оплатить няню.

— Нам ничего от тебя не нужно! — упрямо стою на своем.

Это глупо, боже, как это глупо отказываться от материальной помощи, когда на самом деле она очень и очень тебе нужна. Но я так на него зла, обида прошлых лет все еще рядом. Она во мне. Именно поэтому я не могу переступить через свою гордость, именно поэтому...

— Тебе. А Юле бы явно пригодилась нянька, которой меньше восьмидесяти, — ухмыляется.

Сжимаю ладони в кулаки, чувствуя, как закипаю. Еще немного — и я не смогу себя сдерживать. Устрою настоящий скандал, избыю его, и все это увидит моя дочь...

— Нам отлично живется в нашем клоповнике без твоих денег!

Стеклов улыбается шире.

— Я не хотел тебя обижать, Алиса, — произносит ровно. — Но ты и сама понимаешь, что я могу обеспечить вам лучшие условия. Подумай над моим предложением, — тянется к внутреннему карману пиджака. — Вот. Мой личный номер, — протягивает визитку. — Найди няню, тебе видней, какой

она должна быть, и скинь мне контакты. Я все оплачу.

— Если я соглашусь, ты уйдешь? — смотрю на карточку в его руке.

Глеб кивает, и я замечаю в его глазах искорку.

— Ладно, — забираю визитку. — Я напишу.

— Надеюсь, что ты мне не врешь.

— Уходи. Ты обещал! — перехожу на ультразвук.

Стеклов кивает, делает шаг в сторону, а его взгляд скользит сначала по моему лицу, а потом снова по двери, за которой сидит смысл моей жизни.

— Не прощаюсь, — бросает напоследок и, обувшись, закрывает за собой входную дверь.

Сминаю его визитку в кулаке, а потом бегу на кухню и выбрасываю ее в ведро. Я ему не напишу и не позвоню. Я не хочу иметь с ним никаких дел. И деньги его нам не нужны. Мы отлично справляемся сами.

Я всё вынесу ради дочери, без него!

Всхлипываю и, быстро утерев слезы, делаю глубокий вдох.

Юля в этот момент высовывает голову из детской.

— А Глеб уже ушел?

— У него дела, — выдавливаю улыбку.

— Жалко, — Юля вздыхает. — Мы тебя ждали. Я так сильно тебя ждала, — переходит на шепот. — Ты больше не уйдешь?

Я открываю объятия, и дочь бросается ко мне, прижима-

ясь всем телом. Крепко ее обнимаю, вдыхая запах детских волос, изо всех сил сдерживая слезы.

— Нет, — шепчу ей в макушку, но сама чувствую, как дрожь пробирает все тело. — Поиграем во что-нибудь?

— Давай, — Юлия хлопает в ладоши и несется обратно в детскую готовить игрушки.

— Я быстро схожу в душ и приду к тебе, — говорю громко и закрываюсь в ванной.

Мне нужно двадцать минут тишины. Двадцать минут уединения. Двадцать минут на то, чтобы выплакаться, а потом привести себя в порядок.

Закрываюсь на шпингалет, снимаю с себя одежду и, включив воду погорячее, забираюсь под душ.

Слезы катятся по лицу, но вода моментально их смывает, не оставляя следов. Я плачу, закусив зубами тыльную сторону ладони, чтобы не издавать звуков. Я рыдаю, содрагаясь всем телом.

Мне так больно, так обидно и так одиноко.

Это сложно, когда у тебя нет поддержки. Когда тебе приходится справляться со всем самой.

Я не жалею и давно привыкла, просто сегодня Глеб словно обнажил эту мою боль. Расковырял зажившую рану, методично, попадая точно в цель.

Всхлипываю, а мобильный, оставленный на стиральной машине, громко взвизгивает.

Косо взглянув, вытираю руки полотенцем и читаю упав-

шее сообщение.

«Мой номер. Это на случай, если сдуру выкинешь визитку»

Сегодня 20% скидка на роман о бывших)

"Нам можно все"

<https://litnet.com/shrt/bULv>

Он не герой моего романа. Самоуверенный, ветреный, но для меня всегда самый лучший. Я любила его с детства. Теперь он звезда, а я самая обычная девчонка, у которой нет родителей, но есть огромная ответственность за сестер и братьев. Наши отношения трещат по швам, но теперь **у нас будет ребенок**, и кажется, **мы абсолютно не знаем, что со всем этим делать...**

— Не приближайся к ней больше! Моя сестра и так из-за тебя настрадалась.
 — Это не тебе решать, — отвечаю флегматично и почти сразу получаю за это по морде.
 Угораздило же влюбиться в сестру лучшего друга! Еще полгода назад, я не замечал ее, а теперь, отчаянно хочу себе. И верну. Любыми путями, мы давно выросли, а значит, нам можно все.

Сердце резко дергается, ударяясь о ребра изнутри.

Как он...

Влажная ладонь соскальзывает с экрана, оставляя мутный след. Быстро перечитываю сообщение.

Вода бьет по плечу, и я делаю шаг в сторону, стискивая зубы от злости.

Получается, он догадался, что я выброшу его чертову визитку? Какая самоуверенность!

Хочется швырнуть телефон о кафель от бешенства, но я просто стою. Дрожь, начавшаяся в коленях, поднимается выше, сковывая спину, и я снова начинаю плакать. Конечно, вода быстро смывает мои слезы, но не смывает ощущение грязи, в которой Стеклов умело меня извалял. Снова.

Я до сих пор чувствую на себе его презрительный взгляд. Слышу его обесценивающие слова. Вижу его насмехающиеся губы...

Резко выключаю воду, хватаю с крючка полотенце и быстро заворачиваюсь в него, переступая бортик ванной.

Обрушившаяся тишина кажется оглушительной, а стук сердца — невыносимо громким.

Остервенело натягиваю халат на влажное тело, грубо вытираю лицо полотенцем, отчего на щеках остаются красные

следы. Глянув на себя в зеркало, улыбаюсь через силу.

Я не могу выйти к Юле в состоянии амебы.

Провожу указательными пальцами по коже под глазами, похлопываю щеки ладонями и снова кошусь на телефон. Экран давно погас, но сообщение от Стеклова будто выжжено на сетчатке.

Шмыгаю носом, хватаю мобильник, открываю это идиотское послание, а потом... потом удаляю его. Бесследно.

Я же уже сказала ему, что справлюсь сама!

Воскресенье начинается с похода в батутный центр. Юля скачет как кузнечик и соглашается уйти оттуда лишь тогда, когда выдыхается в ноль.

Мы прогуливаемся по торговому центру, заходим на фудкорт, едим мороженое, а потом, уставшие, но счастливые, возвращаемся домой. На часах к тому моменту почти четыре часа дня.

В квартире Юля нехотя моет руки, а потом как угорелая несется в детскую. Рассаживает игрушки на кровать и начинает преподавать им английский, которым сама занимается с четырех лет.

С улыбкой подслушиваю, как мой ребенок максимально деловым тоном выдает плюшевому ежу базу из алфавита. Собираю волосы в хвост и неторопливо навожу порядок на кухне, параллельно готовя ужин, который завтра будет еще

и моим обедом на работе.

Несмотря на то что я прорыдала добрую половину ночи, сейчас чувствую себя отлично. Гадкие мысли о Стеклове меня больше не посещают, а грудь от каждого вдоха не сдавливает.

Нет, его появление, конечно, пошатнуло мою картину мира, но я стараюсь больше на этом не заикливаться.

Он ни капли не изменился. Все такой же надменный урод, думающий только о себе.

Я не хочу, чтобы он даже приближался к Юле, но головой, конечно, понимаю: если он сделает ДНК-тест, то любой суд позволит ему с ней видаться...

Понимаю, но признавать эту простую истину пока не хочу. Слишком больно. Слишком!

Это удобно — появиться, когда ребенок совсем взрослый. Удобно быть хорошим родителем-праздником. Удобно...

А что, если Юле больше понравится с ним? Что если ее очарует та жизнь, которую он может ей позволить? Что, если она захочет с ним жить?

Замираю и снова чувствую слезы. Они еще не катятся по щекам, только подступают, но меня и без них мелко потряхивает.

Моя девочка. Только моя...

До боли вгрызаюсь в нижнюю губу. И когда звонит телефон, не сразу соображаю, что это за звук вообще. Спыхватившись, принимаю звонок. Это сын Дарьи Ивановны. Он

лет тридцать живет где-то на Севере, маму не навещает, звонит редко...

— Здравствуйте, — выдыхаю в трубку.

— Здравствуйте. Как там мать моя? Не могу до нее дозвониться.

— Увезли на скорой с давлением вчера.

— Живую?

— Живую, — качаю головой.

— Понял. Ну ты там звони, Алис, если что...

— Конечно, — бормочу и скидываю звонок.

Под «если что» имеется в виду Дашенькина смерть. Он давно хочет продать ее квартиру, а ее определить в дом престарелых, правда Дарья Ивановна не соглашается.

Крепко зажмуриваюсь и невольно вспоминаю свою мать. Мы шесть лет не общаемся. С того самого дня, когда она увидела меня с животом. Был скандал. Я услышала о себе так много «лестных» слов, некоторые на подкорку въелись.

Она с чего-то решила, что я сяду им на шею, что повешу на них ребенка...

Конечно, обвиняли в том, что подаю младшей сестре плохой пример.

Собственно, когда Алинка выскочила замуж за мужика на двадцать лет старше себя, зато с особняком на Лазурном побережье, родительские убеждения естественно оправдались. Я снова оказалась виноватой.

Так, шаг за шагом, наше общение сошло на нет. Мама ес-

ли и звонила, то лишь для того, чтобы меня унижить и «научить» жизни, по ее же словам. Я психовала, плакала; один раз после такого разговора даже вызывала себе скорую, и меня положили на сохранение.

В итоге я нашла в себе силы и просто ее заблокировала. Испугалась, что, потакая своей маме, выслушивая ее словесный понос, загублю уже своего ребенка.

Сейчас мы не общаемся. Совсем. Иногда перезваниваемся с сестрой, совсем редко. Ну и два раза за шесть лет я встречалась с отцом, когда он приезжал в Петербург к своему армейскому другу. К другу, не к дочери...

— Мам, давай поиграем! — кричит Юля, выдергивая меня из мыслей.

— Я еще готовлю.

— Ну мам!

— Юль, мы ужинать чем будем? Воздухом?

— Я не хочу есть.

— Зато я хочу, — смеюсь, и Юля, поморщив нос, тяжело вздыхает.

— А потом поиграем?

— Потом поиграем.

— Мам, а я завтра дома одна буду?

— Нет. Завтра...

Завтра у меня бешеный рабочий день, и взять Юлю с собой я не могу. Совсем. Да и просто в офисе у нас детей не приветствуют. Все семейные драмы настоятельно советуют

оставлять дома и не тащить на работу.

Я, когда шла туда, знала об этом.

Чертов садик, ну кто придумал закрывать его летом на эти две недели?!

Растерянно давлю на виски, хватаюсь за телефон и быстро проверяю баланс своей карты.

Хватит на один, максимум два визита няни и продукты. Сегодня мы потратились в ТЦ, будь он неладен...

Черт!

— Мам, в дверь звонят!

— Сейчас открою, — киваю и выхожу в прихожую, продолжая хаотично соображать, как же поступить.

Щелкаю замком, на автомате толкаю дверь и вижу перед собой женщину. На вид ей лет сорок.

— Добрый вечер. Алиса Игоревна Ростовецкая?

— Да... а вы?

— Меня зовут Ольга Вячеславовна, я няня из агентства «Элегия».

— Здравствуйте, — бормочу растерянно.

— Мои документы, — женщина протягивает папку.

— А вы...

— Меня прислал Глеб Маркович. Если хотите проорать-ся, — Ольга смущенно краснеет, — он ждет вас внизу — это дословно...

Чуть сильнее сжимаю пальцами дверную ручку, продолжая не моргая смотреть на эту... Ольгу Вячеславовну.

Сердце буквально на секундочку снова уходит в пятки, а потом резко распирает грудную клетку. Голова кружится от ярости и беспомощности. Я чувствую себя гадко.

Если хотите проораться, он ждет вас внизу...

Он же просто смеется надо мной. Смеется и упивается своим всемогуществом...

Глеб не изменился. Ни капельки. Он все такой же наглый, хамоватый, зажавшийся мажор, который понятия не имеет, что такое обычная жизнь. Все мы для него пыль под ногами, только и всего...

— Мам, кто там? — кричит Юля из детской.

— Это... соседка, — бормочу через плечо, пытаюсь вдохнуть и выдавить из себя что-то внятное.

Сглатываю, а взгляд устремляется вниз, на темнеющий пролет. Я так внимательно смотрю туда, словно смогу увидеть Стеклова через все эти бетонные перекрытия.

Переступив с ноги на ногу, зажмуриваюсь. Мой внутренний голос орет блажью о том, что я сама найду выход. Сама со всем справлюсь! О том, что никакая помощь от Глеба мне не нужна, ни сейчас, ни когда-либо еще!

Сильная женщина внутри меня яростно хочет захлопнуть дверь перед носом этой няни и отправить ее обратно к Стеклову с отказом, но реальность придавливает холодной бетонной плитой.

Отказ от няни — это безответственность по отношению к дочери. В нашей с ней ситуации это просто лелеяние моего эго, только и всего.

Стеклов, черт бы его побрал, все равно сделает ДНК, все равно появится в нашей жизни, потому что он уже так решил. Сейчас я просто оттягиваю неизбежное. Хватаюсь за свою израненную гордость, не больше....

К сожалению, пока у меня нет возможности ему противостоять. Пока... но, если она появится, даже самая крошечная, когда-нибудь, я обязательно ей воспользуюсь.

Воспользуюсь просто потому, что Глеб Стеклов — это воплощение всего самого плохого, что есть в этой жизни. Он непременно разочарует Юлю, тут даже думать долго не надо. Он непременно сделает ей больно, рая в самое сердечко, просто потому, что иначе он не умеет и никогда не умел.

— Мам ты долго? — спрашивает Юля, стоя уже рядом со мной. — Кто это? — шепчет, рассматривая нашу гостью из-под полуопущенных ресниц.

— Здравствуй, Юля. Меня зовут Ольга. Я пришла с тобой познакомиться, — звучит максимально мило.

Юля же настороженно смотрит на меня, и я отчетливо вижу в ее глазах легкую тревогу.

Мое сердце в этот момент снова разрывается. Принять помощь от Стеклова — значит признать его право вторгаться в нашу жизнь. Это риск. Огромный риск, и тем не менее...

Делаю глубокий вдох и произношу:

— Заходите... Ольга Вячеславовна. Юля, это твоя няня. Она будет сидеть с тобой, пока закрыт садик.

Каждое слово дается с трудом. Язык моментами просто прилипает к небу, и мне приходится поднапрячься, чтобы выдавливать из себя звуки.

— Няня? — дочка морщит нос, с интересом разглядывая эту самую няню.

— Уверена, мы с тобой подружимся, — заверяет Ольга с улыбкой. — Это мои документы, рекомендации... — начинает перечислять уже для меня и снова протягивает папку.

— Я посмотрю позже, — отмахиваюсь, понимая, что ни о каких документах и думать сейчас не могу.

Все мои мысли занимает Стеков. Он же ждет меня там, внизу. Как паук, приветливо распахнув объятия своей гадкой паутины.

Он понимает, что я буду вынуждена принять его подачку, и это сводит с ума.

В том, что он навел справки, и возможно в курсе даже о том, сколько денег лежит у меня на карте, я не сомневаюсь.

— Юляша, я на минутку спущусь вниз, хорошо? — говорю, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Как только я вернусь, мы с тобой поиграем.

— Хорошо, — Юля колеблется, но послушно топает в детскую.

Быстро набрасываю на плечи первый попавшийся кардиган поверх домашней футболки и, сунув телефон в карман, направляюсь к двери.

— Я... на минуту, — говорю Ольге Вячеславовне, которая стоит у вешалки. — Пожалуйста, подождите здесь.

Она понимающе кивает, и, судя по тому, как смотрит, наверное, не первый раз уже видит подобное в семьях, куда ее направляют: такие «отцы», как Стеклов.

— Спасибо, — бормочу и выхожу на лестничную клетку. Прикрыв за собой дверь, быстро спускаюсь по ступенькам, слыша, как бешено колотится сердце.

Как только выхожу на улицу и вижу машину Глеба, задышаюсь от порыва холодного, пробирающего до костей ветра. Плотнее запахиваю кардиган на груди, впиваясь взглядом в знакомый профиль.

Стеклов сидит за рулем черного внедорожника, расслабленно откинувшись на спинку кресла и лениво постукивая пальцем по рулю.

Заметив меня, поворачивает голову и кивает. Это такое приветствие, видимо.

Поджимаю губы и замираю в метре от его машины.

Стою, обхватив свои плечи ладонями, подрагивая то ли от злости, то ли от холода, то ли от всего сразу.

— Няня тебя устроила? — спрашивает Глеб, неспешно

вылезая из машины.

Киваю, просто потому, что мысли в моей голове путаются. Честно говоря, чувствую себя полнейшей дурой сейчас.

Я спустилась, чтобы сказать ему, как сильно его ненавижу, и что его помощь ничего для меня не значит. Спустилась, чтобы он не думал, что его подачки что-то изменят. Спустилась, чтобы говорить, может быть даже кричать, но я молчу.

Слова застревают в горле вязким комом, потому что в глубине души я понимаю, как сильно мне нужна его чертова помощь, потому что я устала тянуть все на себе!

Осознавать это горько и унизительно. А он... он точно это знает. Знает и упивается этим чувством!

Впиваюсь ногтями себе в предплечье, а Глеб в этот момент подходит еще ближе. Теперь между нами всего один шаг.

— Ты не позвонила, — смотрит на меня своими холодными, бесчувственными глазами.

— Не было повода, — шепчу, прокашлявшись.

— Я предлагаю помощь от чистого сердца, Алиса.

— А оно у тебя есть? — усмехаюсь. — Не льсти себе.

— Это хорошее агентство. Няня с большим опытом, шикарным образованием, — перечисляет, делая вид, что не слышал мои слова.

— Ты решил надавить там, где особенно тонко и больно, — улыбаюсь. — Просто запомни, ты лишь средство. Как только я найду выход из сложившейся ситуации, ты засунешь

себе свою помощь... — захлопываю рот, стукнув зубами. — Ну ты понял куда. Как только у меня появится возможность, я вышвырну тебя из нашей жизни туда, откуда ты выполз. Понял?

Стеклов на мгновение прищуривается, а в его глазах мелькает что-то такое, чего раньше я там никогда не видела. По спине тут же прокатывается холодок.

— Моему ребенку не нужен такой отец, как ты. Вот и все, — пожимаю плечами и, круто развернувшись, иду обратно к дому.

— А это решать не тебе, — прилетает мне в спину.

— Что? — замираю.

— То, какой Юле нужен отец.

— Да ты... ты...

Хватаю губами воздух и срываюсь с места. Залетаю в подъезд, и хлопнув дверью еще пару секунд стою не шевелясь. Ноги подкашиваются. Ярость сменяется ледяной пустотой.

Наклёвывающееся решение меня пугает, но сейчас кажется идеальным.

Сглатываю и, привалившись к стенке между пролетами, достаю из кармана кардигана телефон. Долго смотрю на черный экран, а потом звоню сестре.

Долгие гудки сменяются веселым Алинкиным голосом:

— Привет, сестр. Ты как?

— Алин, ты можешь одолжить мне денег? — шепчу, чув-

ствуя, как холодеют пальцы.

Если выбирать из двух зол, то моя сестра сейчас точно меньшее.

— Ты же говорила, что у тебя какая-то работа хорошая, — посмеивается.

— Так ты одолжишь или нет? Мне до конца месяца.

— Ну ладно. А сколько?

Быстро прикидываю, сколько мне потребуется на няню, и называю сумму.

— Сейчас скину.

— Спасибо, — закрываю глаза.

— Ой, меня зовут. Деньги улетели. Пока.

— Пока..., — шепчу, а на телефон падает оповещение о зачислении средств.

Отлипаю от стены и возвращаюсь в квартиру.

— Ольга, — зову няню. — Я поторопилась, простите, но в ваших услугах мы не нуждаемся, — отрезаю холодно и киваю на дверь. — Извините, что потратила ваше время. До свидания.

Глеб

— Простите, — Ольга передергивает плечами и, поджав губы, идет к машине охраны.

Киваю парням, чтобы отвезли ее, куда она попросит, и бросаю недобрый взгляд на окна Алискиной квартиры. Шторка на кухне в этот момент дергается, выдавая скупой интерес Ростовцевкой к моей персоне.

Отказалась, значит?

Решила показать характер, окей. Не я это начал...

Еще раз окинув взглядом двор, сажусь в тачку и выезжаю из Алискиного двора. Нервы уже неделю натянуты как стальные канаты, и мать моей дочери только усугубила ситуацию сейчас.

Я же искренне хотел как лучше. Естественно, навел справки. Ростовцевка живет на реальные копейки. Большая часть ее зарплаты уходит на ипотеку, остатки тратятся на еду, Юлин английский, коммуналку, да и все в принципе. Не в ее ситуации раскидываться нормальными вариантами нянь! Ну реально!

Выкручиваю руль, а на телефон падает сообщение:

«Груз прибыл. Все прошло ровно».

Выдыхаю. Минус одна проблема, для решения которой, фактически, я должен вернуться в Москву. В итоге так и поступаю — возвращаюсь домой.

Разумнее дать и себе, и Алисе передышку. То, что она еще долго, если не всю жизнь, будет воспринимать меня в штыки, — факт. Конечно, я могу ее игнорировать. Могу не считаться с ее мнением, но, если быть честным с самим собой, у нее есть право считать меня уродом. Я его заслужил, это право...

Выезжаю на Дворцовый мост и набираю свою помощницу: — Лесь, билеты мне купи на ближайший рейс. Я возвращаюсь в Москву.

— Конечно, Глеб Маркович. Все сейчас оформлю и скину вам билеты.

— Отлично.

Завершаю звонок и притормаживаю, попадая в небольшую пробку. Дождь продолжает барабанить по стеклам. Еще чуть-чуть — и дворники перестанут справляться.

Выбиваю из пачки сигарету, тяну носом запах табака и убираю ее обратно.

Машины не двигаются. Мы просто стоим. Время замедляется, а мысли лишают даже мнимого покоя.

Взгляд сам падает на пакет. Он лежит на соседнем кресле. Там Юлькины волосы, слюни — в общем, весь биоматериал, который нужен для проведения ДНК-теста. Ольга собрала его за те минуты, пока Алиска была внизу со мной.

Законно ли это? Вроде нет. Но этическая сторона вопроса меня сейчас мало интересует.

По прилете в Москву этот пакет поедет в лабораторию. Сразу же.

Я, конечно, и так уже уверен, что она моя дочь, — хватило реакции Алисы, — но установить это официально точно не помешает. В конечном счете, я хочу признать ее своей дочкой, а для этого понадобятся все эти бумажки из лаборатории.

Это странно, даже просто думать о том, что у меня есть дочь. Очень странно.

Мой отец был тем еще козлом. Он любил развлекаться и очень празднично жил эту жизнь. Я видел его нечасто, у нас не было какой-то особой связи.

Шесть лет. Даже больше...

Она скрывала от меня мою дочь все это время, лелея свои обиды.

С другой стороны, я всегда мог найти ее сам, но разве мы спустя годы ищем всех, с кем когда-либо спали? Даже если в моменте были уверены, что влюблены? Нет! Конечно нет.

Вот и я не искал.

Шесть лет...

Эта мысль обжигает изнутри, и я словно наяву вижу животный страх в Алискиных глазах. Она боялась. Она реально думала, что я хочу забрать у нее дочь... свою дочь.

Как только думаю об этом, чувство собственности вспы-

хивает мгновенно, ярко и неоспоримо. Да, я имел право знать о том, что у меня есть дочь. Имел!

Она обиделась, до сих пор обижается. Я знаю. Она ненавидит меня из-за того спора, но сейчас он ничего не значит. Есть ребенок. Он реален. Он вытесняет все.

Когда Алиска кричала, что не отдаст мне дочь, я сдерживал себя, чтобы не улыбнуться.

Кто в здравом уме вот так, наскоком, будет отбирать у матери ребенка? Ростовецкая сильно себя накрутила и не учла, что для начала мне нужно установить с Юлей контакт, а уже потом двигаться на своих условиях. Разобраться с Алисой. Окончательно и бесповоротно, потому что я отец ее ребенка — и точка. Все остальное — детали, которые будут улажены. Методично. Привычно. Холодно.

Юля — моя дочь, да, пока совсем чужая девочка, которую я не знаю и почти ничего к ней не чувствую. Разве что ответственность и желание помочь им наладить свою жизнь. Выбраться из долгов, побывать на море, пойти в хорошую школу... Не знаю...

Я не хочу, чтобы мой ребенок нуждался, не хочу, чтобы он жил там, где сейчас живут они. Это дикость. Этот двор, дом, квартира... дешевые обои в нелепый цветок на кухне. Моя дочка достойна лучшего, разве не так?

И хоть головой я и понимаю, что Алиса старается, проникнуться происходящим до конца не могу...

Первые сутки по возвращении в Москву решаю рабочие вопросы, которые накопились за время моего отсутствия.

На второй день вечером пересекаюсь с Ледневым в баре. Ярик — мой близкий друг, и завтра у него самолет в горячую точку. Он подписал очередной контракт.

Рассказываю ему о том, что у меня есть дочь, и даже показываю фотку. Стащил с Алискиного аккаунта в соцсетях. На фото Юля стоит в бледно-голубом платье у новогодней елки.

Пьем.

Время ускоряется. Ночью Леся скидывает мне результаты ДНК-теста. Пришлось напрямьч лабораторию, чтобы делали все в ускоренном темпе.

Результат ожидаемый — Юля моя дочь.

Переспав с этой мыслью, звоню Артему и прошу уволить Алису. Так сейчас для нее будет лучше.

Алиса

Утро воскресенья начинается для меня в шесть утра, несмотря на то, что ночь была практически бессонной. Это все, конечно, результат общения со Стекловым. Он снова выбил почву из-под ног.

Мне пришлось занять денег у сестры, а спустя два часа получить гневное сообщение от мамы в соцсетях. Она, конечно же, не упустила возможности осведомить меня, что была права, когда говорила, что я не вывезу в одиночку...

Растираю ладонями лицо, проверяю сообщения и закрываюсь в ванной. Пока Юля спит, у меня есть пара часов на себя. Мне необходимо побыть одной. Постоять под горячим душем, может быть, снова поплакать. Сегодня в девять придет няня, будем беседовать. Времени до понедельника почти не осталось, и я искренне надеюсь найти за этот короткий срок хорошего человека...

Пока Юля спит, закидываю стирку, прибираюсь на кухне, готовлю завтрак, составляю небольшой список вопросов для няни и снова перечитываю ее резюме. Исключительно по документам, все очень прилично, а как будет на деле, я узнаю через пару часов.

Юля встает в половине девятого.

Шлепает босыми ступнями по полу, прижимая к груди своего любимого плюшевого ежа. Это ее первая мягкая игрушка, они вместе почти с Юлькиного рождения. Она любит его какой-то неземной любовью. Спит только с ним, в садик носит, на улице гуляет.

— Мам, — трет глазки, замирая на пороге кухни, — а сделаешь мне какао?

— Конечно.

Юля забирается на стул, зевает и упирается локтями в крышку стола.

— Юль, к нам сегодня приедет няня, возможно, тебе завтра придется остаться с ней, пока я на работе.

— Оля?

— Нет, не Оля, — мотаю головой, наливая в кружку молоко.

— А кто?

— Ее зовут Ирина, — размешиваю сахар и ставлю какао на стол.

— А почему не Оля? Мне она понравилась.

Юля подпирает ладошкой щеку и, поболтав ногами в воздухе, делает маленький глоточек из кружки.

— Так вышло, — сажусь напротив дочки. — Я уверена, что Ирина тебе тоже понравится.

— Ну ладно, — Юля вздыхает и обхватывает кружку уже двумя руками.

— Сырничек будешь? Я пожарила.

— Не-а. Потом, — морщит нос и тянется к пульту.

Юля нажимает на кнопку, и кухня заполняется громкими криками героев мультфильма из динамиков телевизора.

— Мам, — Юля переводит взгляд с экрана на меня.

— М?

— А Глеб плохой человек? — отодвигает от себя кружку.

Я слышу ее вопрос прекрасно, но подвисаю при этом мгновенно, просто потому, что понятия не имею, что отвечать.

Плохой ли он человек? Бесспорно. Но имею ли я право говорить о нем так Юле?

Поджав губы, нервно приглаживаю пушок на висках и спрашиваю:

— Почему ты так решила?

— Ты на него кричала, — шепчет, — я слышала.

— Я просто волновалась за тебя. Ты открыла ему дверь, а он нам... чужой, — произношу так быстро, что до конца даже не понимаю, слетело это слово с моих губ или нет.

— Я думала, это Дашенька пришла, — Юля снова вздыхает и спрыгивает со стула на пол. Правда, уже через секунду забирается ко мне на колени. — Мамоchка, — шепчет, — я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, — крепко-крепко прижимаю Юлю к себе и чувствую, как по моей щеке катится слеза.

— Мам, а Глеб случайно не знает моего папу?

Юля запрокидывает голову, чтобы заглянуть мне в глаза. Сглатываю, разлепляя губы, абсолютно не зная, что ответить, а в дверь звонят.

Я вздрагиваю, быстро смахиваю слезы, ставлю Юлю на пол и бегу открывать, чувствуя спасение.

Это Ирина. Мы разговариваем с ней чуть больше часа, половина из которого проходит в присутствии Юли. Не сказать, что коннект устанавливается с первых секунд, но вроде всех все устраивает.

В итоге мы с Ириной договариваемся, что она приедет завтра к восьми утра.

— Не переживайте, Алиса Игоревна. Все будет хорошо. В течение дня буду скидывать вам отчеты.

— Ладно, — тяну носом воздух, стоя у дверей в красных туфлях. — Если что, звоните, я всегда на связи.

— Конечно, — Ирина кивает, улыбается и касается моего запястья. — Все хорошо будет, мы с Юлей подружимся.

— Ладно, — поправляю сумку на плече и присаживаюсь перед дочкой на корточки. — Я поехала, — касаюсь Юлиного личика ладошкой, — не плачь, слушайся Ирину и звони мне в любой момент. Поняла?

— Поняла.

Юля кивает и крепко обнимает меня за шею. Чувствую себя в этот момент предательницей. Снова. Мне до трясучки

хочется остаться дома со своим ребенком, но я не могу.

Быстро чмокаю Юляшу в щечку и выхожу из квартиры. Пока спускаюсь по ступенькам, изо всех сил перебарываю свою дрожь. Она охватывает все тело.

Я думаю о том, насколько я плохая мать, а еще о том, что Стеглов вскоре снова появится. Он теперь точно не испарится в воздухе, а мне очень бы этого хотелось.

Как только прихожу в офис, Надя сразу просит меня зайти к Алентову, и я иду. Без всякой задней мысли, иду, нацепив улыбку и радуясь тому, что, по крайней мере, работа у меня нормальная есть. Не просто нормальная, а очень и очень перспективная.

В кабинете Артем не расшаркивается. Совсем. Он говорит в лоб:

— Меня попросили тебя уволить.

Артем пожимает плечами и, крутанувшись в кресле, тянется за своим телефоном.

— Не переживай, денежную компенсацию мы тебе выплатим. Ровно три оклада. Оформим как сокращение штата.

Моргаю, не в силах и слова выдавить из себя.

Мысль о том, что мне снова придется искать работу, пугает. Я так старалась зацепиться здесь, так долго искала хорошее место, а теперь придется все начинать сначала?

Улыбаюсь еще шире и, кивнув, иду в бухгалтерию. Оказывается, все бумаги на меня уже готовы. Меня рассчитывают буквально за десять минут и желают удачи.

Так, спустя час с начала рабочего дня, я стою на крыльце офиса со своими документами в руках и окончательно понимаю, что с появлением Стеклова моя жизнь пошла крахом.

Зачем он все это делает?

Почему для него так важно меня унижить?

Вытираю слезинку со щеки и походкой побитой собаки ковыляю к метро. Когда на пешеходном переходе загорается зеленый, делаю шаг на зебру. Несущуюся справа машину замечаю не сразу, а когда поворачиваю голову, застываю на месте, потому что шанса избежать столкновения у меня уже нет.

Секунда. Всего одна секунда, когда мир сжимается до режущего мотора, слепящих фар и холодного ужаса, впивающегося в позвоночник.
Я зажмуриваюсь инстинктивно, а тело напряжено в ожидании удара, который размажет меня по асфальту.

В голове тут же появляется образ Юли.

«Я очень-очень тебя люблю, моя девочка. Так сильно люблю».

Всхлипываю, стискиваю пальцы в кулаки и понимаю, что удара до сих пор нет.

Вместо него я чувствую запах горелой резины, слышу пронзительный визг тормозов и оглушительный гудок, который бьет по барабанным перепонкам.

Растерянно открываю глаза и вижу черный внедорожник, передние колеса которого заехали на тротуар сбоку от меня.

Ноги подкашиваются, я падаю на колени прямо посреди "зебры" и начинаю задыхаться.

Пока прижимаю ладонь к груди, дверь машины распаивается. Из-за руля на улицу выскакивает огромный, высоченный мужчина в черной футболке.

— Тебе жить надоело? — орет на всю улицу.

Смотрю на него и чувствую острую боль в районе солнеч-

ного сплетения.

Слезы текут по щекам ручьем. Я реву не от боли, а от дикого, животного страха и осознания, что я могла лишиться своего ребенка мамы. Самой ужасной на свете мамы...

— Эй! Ты меня слышишь?

Мужчина подбегает ближе, но, увидев мое состояние, замолкает. Его взгляд скользит по моему лицу, и он спрашивает:

— Ты в порядке? Ударилась?

Я качаю головой.

Он оглядывается по сторонам, а собравшиеся на переходе люди смотрят на нас с осуждением и любопытством.

— Может, скорую? Выглядишь... не очень.

— Нет! — вырывается у меня резче, чем хотелось, и я начинаю быстро подниматься.

Подбираю с асфальта сумку и понимаю, что на фоне случившегося сейчас мое увольнение кажется мелким недоразумением.

Осознав это окончательно и бесповоротно, я начинаю смеяться. Выплескиваю в этот смех весь свой страх, ужас и злость.

Мужик, видя мою истерику, вздыхает и начинает помогать подняться. Вцепляется мне в локоть и тянет на тротуар.

— Ну, раз жива... — сует мне в руки несколько купюр и направляется к своей машине. — Береги себя.

Шмыгаю носом, смотрю на смятые в ладони бумажки, а

потом на отъезжающий внедорожник.

Шок медленно отступает, уступая место новой волне отчаяния.

Стеклов.

Это он попросил Артема меня уволить.

Это он снова решил поиграть в Бога...

Всхлипываю и с трудом достаю из сумочки телефон. На экране — уведомление от Ирины.

Фото: Юля, смущенно улыбаясь, держит за руку плюшевого ежа.

Подпись: "Все хорошо! Завтракаем, потом пойдем в парк. Не волнуйтесь, Алиса Игоревна :)"

На глаза в эту же секунду снова наворачиваются слезы, все от того же страха и жгучего стыда. Я должна быть аккуратнее, я должна беречь не только дочку, но и себя.

Вытираю слезы, разглядываю Юлино фото. Она точно в порядке, в отличие от меня.

Я же стою посреди улицы, грязная, безработная, чуть не ставшая кровавым пятном на асфальте неудачница.

Как я до этого докатилась? Я была лучшей на курсе. Я была такой перспективной, такой пробивной. Я мечтала о блестящей карьере, хотела до двадцати шести побывать не менее чем в десяти странах, стать ведущим специалистом к этому возрасту, а на деле я самая обыкновенная неудачница.

Сминаю сунутые мужиком из внедорожника купюры в кулак, а потом отправляю их в карман пиджака.

Меня цинично вышвырнули с работы, за которую я держалась мертвой хваткой.

Я снова у разбитого корыта. Снова в отчаянии...

Но теперь оно стало еще глубже, потому что Стеклов вернулся.

Он взял мою жизнь под контроль и начал методично ее ломать.

Лишил работы, чувства безопасности, чувства собственного достоинства...

Поднимаю голову. Серое небо давит, а люди спешат по своим делам, не замечая моей катастрофы.

Мне даже позвонить некому. Обсудить происходящее, получить хоть какую-то поддержку...

Я уже шесть лет живу с мыслью, что все это ради Юли. Все мои усилия и старания — ради нее. Самой мне, словно, ничего уже больше и не надо. Руки с каждым годом опускаются все больше и больше...

Смотрю на свое отражение в окнах проезжающего мимо автобуса и вижу там измученное лицо женщины, которая знает, что пока ее дочь в ней нуждается, сдаваться нельзя!

Даже когда кажется, что выхода совсем нет.

Автобус набирает скорость, а я наконец-то перехожу дорогу. В этот раз удачно.

Оказавшись на другой стороне, направляюсь к метро и слышу громкий машинный гудок позади. Оборачиваюсь от неожиданности и снова вижу тот черный внедорожник. Он

притормаживает рядом со мной, прижимаясь колесами к бордюру.

— Девушка, — говорит мужчина в открытое окно, — дайте я вас подвезу. Может, вам к врачу лучше?

— Со мной все нормально.

— Вы извините. Я как debil себя повел. Сам виноват, а на вас наорал. Извините. Садитесь. Вы хромаете.

— Да? — хмурюсь и, притормозив, смотрю на свои ноги. Видимо, ударила колесом, когда завалилась на асфальт от страха.

— Давайте к врачу?

Мужчина взволнованно бежит глазами по моему лицу, и я вижу, что он и правда переживает. Даже несмотря на то, что внешность у него суровая.

В другой бы ситуации я бы держалась от него подальше, но сейчас меня по-прежнему продолжает потряхивать, и я соглашаюсь.

— Меня Павел зовут, а вас?

— Алиса.

Павел кивает, выскакивает из машины, открывает мне дверь и помогает сесть.

— Слушайте, извините. Я не заметил красный. У самого руки дрожат до сих пор, — показывает мне свои ладони. — У моего друга своя клиника. Там хорошие врачи. Вас осмотрят, если нужны лекарства, я всю оплачу.

— Ладно, — соглашаюсь и вжимаюсь затылком в подго-

ловник.

Меня накрывает мнимое чувство безопасности. Правда, после клиники, осмотра врача и нескольких смешных историй от Павла по дороге ко мне домой, чувство безопасности становится почти настоящим.

— Алиса, извини еще раз. Мой номер, — протягивает визитку, — если нужна будет любая помощь, ты звони.

— Хорошо. Спасибо.

— А вообще, я бы встретился с тобой еще раз, если ты не против.

— Посмотрим, — пожимаю плечами и выскальзываю из машины.

Павел не уезжает, пока я не захожу в подъезд. Только хлопнув дверью, я слышу, как машина трогается с места, и улыбаюсь.

Это так глупо, конечно. Но все равно немножко отогревает.

Поднимаюсь по ступенькам к себе в квартиру, а когда попадаю внутрь, слышу громкие рыдания Юли и не менее громкий крик няни:

— Ты сейчас у меня получишь, гадина!

Застываю буквально на секунду, пока тело омывает ледяной шок, а потом срываюсь с места.

Вбегаю на кухню, и слышу свой хриплый, режущий как нож воздух, голос.

— Что здесь происходит?! — кричу и вижу заливающуюся слезами Юлю.

Моя дочка вжалась в угол. Ее любимый плюшевый еж валяется на полу рядом, а Ирина стоит над ней, красная от ярости, и, судя по всему, хочет отвесить моему ребенку подзатыльник.

— Алиса Игоревна! Наконец-то! — начинает тараторить

няня. — Вы только посмотрите! Посмотрите, — сует мне в руки свой телефон с разбитым экраном. — Посмотрите, что сделала ваша дочь. Она специально уронила мой телефон на плитку!

— Я не специально! — кричит Юля, продолжая рыдать, и пытается броситься ко мне.

Ирина резко преграждает ей путь со словами:

— Стоять! Никуда ты не пойдешь!

Смотрю на весь этот кошмар и чувствую свирепую ярость.

— Отойди от нее. Сейчас же, — произношу тихо, но так, что Ирина непроизвольно делает шаг назад. Я прохожу мимо нее, словно не замечая, опускаюсь на колени перед Юлей и крепко обнимаю ее дрожащее тельце. Она вцепляется в меня, как в спасительный круг.

— Она... она... врет... — лепечет Юля сквозь рыдания в мою шею. — Я не трогала телефон. Я играла, это она кинулась в меня игрушкой, но попала в телефон и он упал со стола.

— Врешь, гадина! — шипит Ирина.

Поднимаю голову, несколько долгих секунд смотрю на няню и холодно произношу:

— Пошла отсюда вон.

— Что? Что вы сказали? Я этого так не оставлю. Поняла? Я медленно поднимаюсь, пряча Юлю себе за спину.

— Я сейчас вызову полицию и...

Ирина прищуривается и схватив телефон, выскакивает из

квартиры, громко хлопнув дверью напоследок.

По-хорошему, я должна была ее задержать. Вызвать полицию. Наказать. Но я так растерялась...

— Она тебя ударила? — спрашиваю у Юли, снова присаживаясь перед ней на корточки.

— Нет, только кричала, — Юля всхлипывает.

— Все хорошо, моя маленькая. Все хорошо. Прости меня, — крепко прижимаю дочку к себе. — Прости.

Мысль, что Юля все утро провела с этой тварью, сжигает изнутри. Чувство вины накрывает с новой силой. Я оставила ее. Опять.

— Прости... — шепчу я ей в макушку. — Прости меня...

Следующие сутки я не отхожу от Юли ни на шаг. Моментами мне даже кажется, что я испытываю радость от того, что меня уволили и я без зазрения совести могу быть рядом со своим ребенком. В итоге решаю, что начну искать новую работу лишь тогда, когда откроют садик.

Все утро мы играем в настолку, а я продолжаю приглядываться к Юле, боясь, что эпизод с няней гораздо глубже пошатнул ее психику, чем могло показаться на первый взгляд.

В обед Юля с удовольствием съедает суп и снова тянет меня играть.

— Нужно вымыть тарелки, — целую дочку в лоб. — Подождешь немного?

— Ага.

Юля кивает, а в дверь звонят.

— Кто это, мам?

— Сейчас узнаем, — улыбаюсь и иду открывать. — Кто?

— спрашиваю в домофонную трубку.

— Участковый.

— Открываю, — щелкаю на кнопку, испытывая легкое волнение. Что от нас могло понадобиться участковому?

Когда звонок в дверь повторяется, и я ее открываю, то вижу перед собой не только участкового, но и двух женщин лет сорока пяти.

— Ростовецкая Алиса Игоревна? — спрашивает та, что повыше.

— Да... Это я... — киваю.

— Мы из органов опеки и попечительства. К нам поступила информация, вызывающая серьезную обеспокоенность условиями содержания и воспитания несовершеннолетней Юлии Ростовецкой. Разрешите войти?!

Завтра продолжим

Это не звучит, как вопрос. Это факт. Они ставят меня перед фактом и грузно переступают через порог в моей прихожей. В нос при этом тут же ударяет запах чужих тяжелых духов.

Как только женщины оказываются внутри квартиры, их взгляды скользят по стенам, полу, дверям и Юле, вышедшей из кухни.

— Мама, это кто? — шепчет дочь, вцепляясь пальцами в край двери.

— Это ко мне, моя хорошая. Мы быстро поговорим, а ты поиграй у себя в комнате, — отвечаю, стараясь выглядеть максимально спокойно, пока внутри все сжимается от отчаяния и страха.

Боже, только не при ней. Только не сейчас.

— Ребенок может остаться, — холодно констатирует невысокая сотрудница опеки и открывает свою папку. — Нам нужно с ней пообщаться.

— Нет! — преграждаю им путь на кухню. — Вы сначала скажите, на каком основании пришли.

— Нам поступил сигнал о ненадлежащем уходе за ребенком, отсутствии должного присмотра и возможном психологическом насилии. А также о том, что несовершеннолетняя

может оставаться дома одна на длительное время, — буровит меня взглядом. — Или с престарелой соседкой...

— Кто вам сообщил? — переспрашиваю.

— Сигнал поступил от гражданина, заинтересованного в благополучии девочки.

От заинтересованного гражданина? Это Стеклов что ли?

Он ведь мог...

— Разрешите осмотреть жилое помещение.

— Осматривайте.

— И задать ребенку пару вопросов. Мама тебя ругает? — обращается к Юле. — Бьет? Ты часто остаешься дома одна? Тебе бывает страшно?

Они вываливают на Юлю целый ворох вопросов, и нижняя губа моей девочки начинает дрожать.

— Отвечай, Юленька, не бойся. Мама тебя обижает?

— Нет, — Юля крутит головой. — Только Ира хотела. Вчера.

Зажмуриваюсь, а сотрудница опеки с холодком пробега-ется по мне взглядом.

— Какая Ира?

— Няня, но она к нам больше не приходит.

Сотрудница делает заметку в своей папке, а потом обра-щается ко мне:

— Вы оставили ребенка с няней, которая ее ударила?

— Нет, — мотаю головой, — то есть...

— Все с вами ясно!

Взгляды сотрудников опеки тут же встречаются, и в этом молчаливом обмене читается все: осуждение, подтверждение худших подозрений, готовность к действию.

Та, что повыше, обводит взглядом Юлину спальню, игрушки, чистую постель, что-то шепчет своей коллеге, но их взгляды не смягчаются.

Дальше они заглядывают в холодильник, ванную, шкафы, просят меня показать трудовую книжку и, увидев там запись о сокращении, снова переглядываются.

— То есть работы на данный момент у вас тоже нет...

— Понимаете, меня сократили сутки назад. Я просто...

— Работы у вас сейчас нет? — повторяет вопрос строже.

— Нет...

— Жилье соответствует санитарным нормам, — констатирует сухо, — однако поступившая информация о потенциальном риске оставления ребенка без надзора вызывает серьезные основания для проведения дальнейшей проверки. Вам необходимо явиться к нам завтра в десять утра для дачи пояснений и предоставления документов, — протягивает бумажку с перечнем этих документов.

— Хорошо, — часто киваю, — я все принесу.

— А сейчас соберите ребенка. До завершения проверки и вынесения решения несовершеннолетняя Юлия Ростовская не может оставаться под вашим присмотром.

— Что? — пячусь назад и чувствую, как мне физически становится плохо. В глазах темнеет, и я перестаю чувство-

вать почву под ногами.

— Марина, — слышу шипение, — нормальные условия. Не наркоманка, не пьяница...

— У нас есть правила!

— Что мы будем ребенка таскать туда-сюда?

— Ладно, подпишите вот это, — сует мне лист. — Ребенок, в виде исключения, останется с вами. Но...

— Я все поняла, — тараторю и ставлю подпись. — Я все принесу. Я люблю свою дочь, я...

— До свидания.

Женщины уходят так же быстро, как и пришли, оставляя после себя только запах тяжелых, резких духов.

Быстро запираю дверь на все замки и, прислонившись к ней спиной, медленно сползаю на пол. Юля тут же бросается ко мне и крепко обнимает за шею.

Зарываюсь лицом ей в волосы, а тело сотрясают беззвучные рыдания.

Ярость, унижение, беспомощность – все смешивается в один черный ком, разрывающий грудь изнутри.

Как он мог так с нами поступить?

Зачем?

ЗАВТРА ПРОДОЛЖИМ ♥# СПАСИБО ВСЕМ КТО РЕШИЛ ПОЙТИ С ГЕРОЯМИ ДАЛЬШЕ

Мои беззвучные рыдания переходят в тихий, бессильный стон. Я сижу на холодном полу прихожей, а Юля тихонечко гладит меня по волосам.

Она испугалась, а я своим поведением сейчас делаю только хуже. Что я за мать такая?

— Мамочка, не плачь... всё хорошо...

Ее шепот, полный искреннего волнения, становится последней каплей, и я рывком поднимаюсь с пола. Быстро растираю слезы по щекам и прижимаю дочку к себе.

Не думай, Стеклов, я не оставлю это просто так.

Он пожалеет! Он за все ответит, может быть, не сегодня, но обязательно ответит!

— Зайка, сделаешь маме чай? — спрашиваю, выдавливая улыбку.

Мне нужно взять себя в руки. Я просто обязана это сделать! Я не имею больше права на слезы и деструктивные эмоции. Я должна своей дочери. Я обязана сделать ее детство счастливым!

— Конечно, мамочка, — с энтузиазмом отзывается Юля и бежит на кухню.

Улыбаюсь ей вслед и на ватных ногах иду в свою спальню. Беру с тумбочки телефон, а руки трясутся так, что я едва

могу разблокировать экран.

Номера Стеклова у меня нет, но я прекрасно знаю, у кого он есть. У Артема. Ему и звоню. После долгих препираний Артем все же скидывает мне контакты Стеклова, окончательно подтверждая, что мое увольнение — дело рук Глеба.

Получив сообщение, моя бравада тут же стихает, и я замираю посреди комнаты, глядя в экран. Сердце тем временем сжимается, а пульс учащается до такой степени, что я чувствую его удары где-то в горле.

Чтобы позвонить Глебу, мне требуется все мое самообладание и смелость.

Выдыхаю, нажимаю «вызов» и прикладываю телефон к уху, слыша длинные гудки. Каждый — как удар молота по наковальне.

— Привет, Алиса.

Вздрагиваю, а его спокойный голос с первых же секунд вызывает раздражение.

Воздуха в легких становится так много, что вместо крика из горла вырывается лишь хриплый шепот, полный ненависти.

— Ну что, ты доволен? Достиг желаемого? — надрывно смеюсь. — Это же так по-мужски, правда, Глеб?

Стеков молчит и подает голос лишь после долгой паузы. Я слышу, как ему что-то говорят на фоне. Даже сейчас он отдает предпочтение кому-то еще...

— Ты о чем, Алиса?

— Не делай вид, что не знаешь!

— Я действительно не в курсе. Что-то случилось? С Юлей?

На мгновение мне даже кажется, что в его голосе про- скальзывает волнение за дочь. Но мне так только кажется, я уверена...

— С Юлей, — проговариваю зло. — К нам пришла опе- ка, — срываюсь на крик. — Моего ребенка допрашивали! Нашу квартиру осматривали так, будто я преступница ка- кая-то! Зачем ты это сделал? Неужели твое долбанное само- любие настолько эгоцентрично! — всхлипываю, снова пере- скакивая на шепот.

Горло саднит.

— Они рылись в моем холодильнике, в шкафах, спраши- вали у моей дочери, любят ли ее здесь?! Любят! — почти не дышу, глотая воздух между словами. — Ты думал, я не пойму, что это сделал ты? Думал, поверю в какого-то «заин- тересованного гражданина»? Да что я такого тебе сделала? Ты в свое время и так получил от меня все, — произношу отрешенно. — Выиграл. Потешил свое самолюбие. Ты выиг- рал. Так чего ты хочешь от нас теперь? Зачем все это дела- ешь? Почему просто не можешь оставить нас в покое? Она же твоя дочь! Почему ты хочешь причинить ей боль? У тебя нет сердца, Стеклов, — мотаю головой. — Нет.

Глеб молчит. Его молчание становится густым и тяжелым.

А когда он наконец мне отвечает, в его голосе звучит металл.

— Прекрати истерить. Я не имею никакого отношения к опеке. Включи мозги и подумай, зачем мне это нужно?!

— Чтобы добить меня! Чтобы отнять у меня последнее! Ты отнял работу, теперь хочешь отнять дочь?! Ты больной, бесчеловечный урод! Ты...

— Алиса, — перебивает меня ледящим тоном.

Я замираю, сжав телефон так, что трещит корпус, а в трубке становится тихо. Стеклов явно остался один.

— Если бы я хотел забрать у тебя дочь, — он говорит медленно, растягивая слова, — я бы не стал звонить в опеку. Я бы просто приехал и забрал у тебя ребенка. По факту. Понимаешь? И никто ничего бы мне за это не сделал.

От его тона становится физически холодно.

— Тебе оставили какие-то контакты?

— Нет, то есть... — замолкаю.

Если это он, то сейчас Глеб просто втягивает меня в свою игру.

— Я тебе не верю, — выдыхаю, но в моем голосе уже нет прежней уверенности. — Это ты все подстроил. Больше просто некому. Никто не может с ноги завалиться в опеку и...

— Я дам своим людям распоряжение во всем разобраться. Буду у тебя, — делает паузу, — ближе к вечеру.

— Что?

Возмутиться я не успеваю, потому что Стеклов просто кладет трубку.

Как же так? Я хотела просто выяснить, почему он это сделал, а не вызывать его к нам, как черта из табакерки!

Что же теперь делать?

Оглядываясь по сторонам, будто на меня кто-то смотрит, и на нервах роняю телефон на пол.

— Мама, я сделала чай! — кричит Юля.

— Спасибо, милая, — кричу в ответ и подбираю с пола смартфон.

Нужно успокоиться. Подумаешь, он придет... ничего страшного не произойдет. Наверное...

Хмыкнув от досады, иду на кухню и именно в эту секунду осознаю — Стеклов сейчас показал мне, насколько я ничтожна и слаба в его глазах.

Он будет у меня ближе к вечеру...

Как я могла такое допустить?

Боже, сама своим же звонком вручила ему пропуск в наш с Юлей дом, в нашу жизнь, от которой всегда хотела его оградить.

— Мама, чай остывает! — слышу Юлин голосок.

— Иду, зайка! — отзываюсь уже из прихожей.

Делаю глубокий вдох, расправляю плечи и рисую на лице улыбку. Когда попадаю на кухню, Юля смотрит на меня во все глаза и, не увидев на моих щеках слез, приободряется. Сразу же становится обыденно активной и веселой.

— Вот чай, — протягивает мне кружку, как только я присаживаюсь за стол. — А можно те конфеты? — прищуривается и заговорщически смотрит на холодильник.

— Можно, доставай.

Юля, хлопнув в ладоши, бежит к холодильнику и вытаскивает оттуда конфеты из бельгийского шоколада.

— Давай открою, — протягиваю руку.

Юля отдает мне коробку, я быстро ее вскрываю и ставлю на стол. Дочь крутится рядом, и я на автомате целую ее в макушку, вдыхая сладкий запах ее волос. Этот родной аромат

всегда действует лучше любого успокоительного.

— Мам, а что мы будем делать? Пойдем гулять?

— Пойдем, — соглашаюсь, потому что мне и самой не помешает подышать воздухом. — Только сначала я немножко приберусь дома, а ты порисуешь. Хорошо?

— Хорошо, — Юлия часто кивает, уплетая конфеты. Сегодня — даже без ограничений.

Я до сих пор на таком стрессе, что неосознанно заглаживаю перед ней свою вину вот таким дурацким способом.

Пока Юлия пьет чай, заедая его конфетами, никак не могу перестать думать о Глебе. Неужели это не он натравил опеку? Тогда кто? Та нянька? Но разве бы кто-то ее стал слушать? Или стали бы? А может, у нее там просто есть знакомые?

Бросаю быстрый взгляд на Юлию, а сердце сжимается. Я не могу ее подвести. Не могу!

Если это не Стеклов, то, хочу я того или нет, мне придется принять его помощь. Принять ее ради дочери, потому что одна я эту травлю не вывезу.

— Мам, я пошла рисовать!

— Иди, — киваю и снова улыбаюсь.

Юлия задерживает на мне взгляд, будто хочет убедиться, что у нас все нормально и снова как раньше.

— Беги, — подмигиваю, и дочка, хохотнув, несется в детскую.

Смотрю ей вслед и собираю со стола кружки. Быстренько их мою, протираю пыль, снова загружаю машинку, а уже по-

стиранное белье развешиваю на сушилку и составляю список, чего нам нужно будет прикупить на обратной дороге после прогулки.

Пока машинка стирает, Юля рисует, а утюг нагревается, включаю телевизор. Быстро щелкаю по каналам, наталкиваясь на какой-то сериал и приступаю к глажке Юлькиных вещей.

Думать ни о чем, кроме глажки, пока ей занимаюсь, не получается, даже сериал не помогает отвлечься. Мысли настырно возвращаются к сегодняшнему утру. Кто мог пожаловаться в опеку?

Если это все же Глеб, зачем бы ему было приезжать? Что-бы отвести подозрения от себя?

Ладно, допустим, он решил так с нами сблизиться...

Черт!

Голова вот-вот взорвется. Ну зачем, зачем он появился? Без него было в разы легче и спокойнее. Мы просто жили, да, скромно, но в любви, понимании и с улыбками. Сейчас же что я, что Юля — все чаще и чаще плачем...

Складываю Юлины футболочки в стопочку, а в дверь снова звонят. Еще немного, и я буду реагировать на этот звук обмороком. В последнее время ничего хорошего после визитов неожиданных гостей в моей жизни не случается.

Выключаю утюг из розетки и иду открывать. Снимаю трубку домофона и слышу голос сестры:

— Открывай, давай, Алиска!

— Алина? — бормочу и открываю подъездную дверь.

Сестра поднимается в квартиру за пару минут и, чмокнув меня в щеку, осматривается.

— Интерьерчик, — ухмыляется, а потом смотрит на свои туфли.

— У нас в обуви не ходят, — тут же сую ей тапки.

— Ой, ты все такая же, Алиска.

Алина закатывает глаза, но тапки надевает.

— Лучше расскажи, как жизнь?

— Лучше всех, — складываю руки на груди. Мы по-прежнему стоим в прихожей, и пригласить сестру дальше, вглубь квартиры, у меня язык не поворачивается.

Мы с ней с детства в разных положениях. Она — всеобщая любимица. Родилась слабенькой, мать часто лежала с ней по больницам и, естественно, отдавала всю себя. Я же просто была. Меня не унижали, не обделяли материально, но и вовлеченности в мою жизнь у родителей не было.

Когда мы выросли, я должна была быть идеальной. Всегда. Но у меня не вышло...

— У Масика встреча в Питере, мы буквально на три дня прилетели. Вот я и решила тебя навестить. Кстати, в семь родители прилетят, я им билеты купила, сто лет не виделись. На вечер забронила столик. Присоединитесь с племяншкой?

— Не думаю, что это хорошая идея, — выдавливаю из себя улыбку. — Чай или кофе будешь?

— Уверена, что я такой не пью, — отмахивается. — Ой,

ты только не обижайся. Просто у меня давно уже все привычки поменялись. Сама понимаешь, круг общения обязывает...

— Ага, — киваю, сдерживаясь, чтобы не закатить глаза.
— Проходи, — указываю рукой на свою комнату и гостиную в одном лице.

— Алиск, я чё, спросить хотела... а ты мне долг когда вернешь?

— В следующем месяце, я же говорила, когда просила.

— Да-да, просто не хочется, чтобы наши отношения день-ги испортили... мне не жалко, но...

Пока Алина шарит взглядом по моей комнате, беру в руки телефон и делаю перевод. Мне все-таки сделали выплату в размере трехмесячной зарплаты после сокращения. Так что какой смысл тянуть?

— Перевела.

— Сейчас? — Алина приподнимает бровь. Выглядит при этом очень удивленной. В ее голове мы с Юлей точно живем в коробке и питаемся на помойке, видимо.

— Сейчас. Я работу меняла, поэтому у меня и возникла небольшая заминка по деньгам. Но сейчас все хорошо. Я попросила аванс вперед, — безбожно вру.

— А-а-а-а, ну класс, поздравляю. Что за работа?

— В аудиторской фирме. Очень крупной...

— Ну... ты этого достойна, сестренка...

— Тетя Алина!

Юлька, появившаяся на пороге, взвизгивает. Они с Алиной виделись буквально пару раз, но дочь ее запомнила.

— Букашечка моя, привет!

Юлька бежит к Алине и обнимает ее за ноги.

— Ой, Юлек, не трогай меня, — сконфуженно отодвигает от себя Юлю. — У тебя руки грязные...

— Это фломастерами я рисовала.

— Это не пачкается, — вмешиваюсь.

— Ну, мы на всякий случай. Как дела, крошка? Какие у тебя резиночки..., — кривит губы, — красивые.

Юля тут же трогает свои резинки с плюшевыми божьими коровками. Им уже года два. Они до смерти убиты, но дочь их обожает и не дает выкидывать.

— Чего тебе мама новые-то не купит?

— Алин, ты не опаздываешь случайно? — меняю тон на пассивно-агрессивный.

— Уже спешу. Так что, в ресторан приедете?

— Куда? — подхватывает Юля.

— В ресторан, крошка. Там красиво. И много вкусностей дают. А еще бабушка с дедушкой будут. Хочешь в ресторан?

Юля часто кивает.

— Тогда уговаривай мамку свою. Она не хочет.

— Ты не хочешь, мам? — спрашивает Юля и тут же переводит все свое внимание на меня.

— Юль, мы же с тобой гулять собирались, — перевожу тему.

Я знаю свою сестру, и всё это она сейчас делает специально, коза такая.

— Но я хочу к бабушке и дедушке! — дочь смотрит на меня огромными глазами, в которых уже плещется восторг, только от мысли, что она встретится с моими родителями.

Мама с папой видели Юлю один раз: мать — когда Юльке был год, а отец — когда ей было три. Ни моя, ни её жизнь их особо не интересовала.

Юля их, естественно, не помнит, да и не знает вообще. Но она, как и любой ребёнок, цепляется за любую возможность прикоснуться к понятию полной семьи — даже если этой семье до неё нет дела. Она просто хочет увидеть своих бабушку и дедушку, абсолютно не замечая ядовитого блеска в глазах своей тётки и не слыша фальши в её сладком голосе.

Алина сейчас делает всё, чтобы выбить у меня почву из-под ног, чтобы снова посоревноваться и в очередной раз доказать родителям, какая я неудачница — хоть они и возлагали на меня большие надежды...

Алинке плевать на Юлины чувства — а на мои тем более. Она приехала сюда, чтобы убедиться, что, по её меркам, у

меня всё по-прежнему плохо. И, судя по всему, убедилась. Правда, не настолько, чтобы насытиться этим, поэтому и зовёт в ресторан. Хочет доставить себе дополнительное удовольствие — маминым презрением ко мне.

— Мамочка, давай сходим! Пожалуйста! Я так хочу увидеться с бабулей и дедулей...

Юля пускает слезу, а Алинка в этот момент смотрит на меня торжествующе. Её шалость почти удалась...

— Алиска, ну чего ты молчишь? Ребёнок просит, — томно протягивает сестра, поправляя дорогой шарфик.

Ненавижу её в этот момент.

Мне кажется, я её всю жизнь пассивно ненавижу. Просто потому что родители всегда выбирали её. Чем я была хуже? Такой же ребёнок! С такими же потребностями в любви...

— Мы подумаем, — выдавливаю из себя улыбку. — Юль, давай погуляем сначала, а потом решим, пойдём в ресторан или нет. Хорошо?

Юля послушно кивает, но я вижу, как сильно её расстраивают мои слова.

— Хорошо, — Алина кривит губы в подобии улыбки и откидывает волосы за плечи. — Тогда встречаемся в семь у «Палаццо». Если решите прийти — не опаздывайте!

— Ага, — отмахиваюсь от сестры банальным ответом и переключаю всё своё внимание на Юлю. — Беги одеваться. Сейчас пойдём на площадку.

Юля прячет руки за спину и без энтузиазма уходит к себе.

— Слушай, — шепчет Алина. — А Стеклов до сих пор так и не знает, что у него есть дочь?

— Почему ты спросила? — резко оборачиваюсь и с прищуром смотрю на сестру.

— Да просто... Я слышала, у него бизнес в Питере.

Алинка пожимает плечами, а я незаметно выдыхаю. Мне и без неё проблем хватает, вот честно.

— Я за него рада, — отвечаю скептически и собираю волосы в хвост.

Пока открываю шкаф и достаю джинсы, Алина усаживается в кресло.

— Ну не знаю... Я бы на твоём месте сделала экспертизу и отсудила у него алименты. Там суммы немаленькие, уж точно.

— Мне это не нужно.

— Ну как знаешь. Хотя ты права, его баба тебя бы живьём загрызла.

Алинка хохочет, а мне становится дико холодно.

Нет, меня совсем не трогает наличие у Глеба женщины. Просто если он решит вмешаться в нашу жизнь, я не хочу, чтобы Юлия потом постоянно видела рядом с ним разных баб.

И вообще, с чего я решила, что Глеб теперь будет в Юлькиной жизни всегда?

Нет, вариант, где он с ней поиграет и бросит, меня тоже не устраивает. Но пока, если честно, я больше верю в это, чем в хоть какое-то подобие ответственности у Стеклова.

— Ну вот, видишь, — глупо посмеиваюсь, натягивая коричневую водолазку. — Мы с Юлькой, как ты там сказала сегодня? Не его круг общения? Во!

— Ой, я не про вас говорила, — Алина вспыхивает. — Почему ты всё вечно на свой счёт принимаешь? Да, у меня другой круг общения! Это правда, и это нормально, что моя жизнь теперь другая, и я не должна...

— А я тебе и не говорю, что должна. Пафоса только поменьше, окей? — посмеиваюсь. — Мы с тобой до четырнадцати лет на одном диване спали, так-то. А теперь ты вдруг кофе из банки не пьёшь, — закатываю глаза от абсурда.

Алина краснеет, но ничего не отвечает.

— Поэтому свой пафос побереги для подружек. Или для мамы нашей — она оценит, как ты высоко взлетела.

— Знаешь что?!

— Что?

— Я пойду!

Алинка вскакивает и, теряя тапки, несётся в прихожую. Проходит минуты три, но, не услышав даже самого тихого хлопка входной двери, я высовываю голову в коридор — и застываю.

Большого попадоса даже представить сложно. Им всем мёдом что ли намазано в нашей квартире?

Ещё и без предупреждения. Нет, я знала, что Стеклов прилетит в Питер, но была уверена, что он хотя бы позвонит, когда решит к нам нагрянуть. А он... он даже в домофон не

позвонил!

И теперь вот — Глеб стоит на пороге нашей квартиры, а Алинка во все глаза смотрит на него из прихожей, вцепившись в ручку двери мёртвой хваткой.

Судя по всему, она уже собиралась выйти, открыла дверь и, увидев по ту сторону Стеклова, впала в ступор.

— Ситуация, — выдаю со смешком.

Это, конечно, нервное. Алинка тут же, отмерев, оборачивается ко мне с таким ошеломлённым лицом, будто не человека, а призрака увидела.

Стеков же себе не изменяет — его каменную рожу без грамма эмоций ничем не пронять.

— Ты долго тут стоять будешь? — Глеб отодвигает Алину в сторону и переступает порог моей квартиры.

— Глеб? — бормочет Алина, часто моргая.

— Снежный человек, бл*, — Стеклов закатывает глаза и, быстро окинув меня взглядом, начинает снимать ботинки.

Сестра моя в этот момент разворачивается ко мне лицом и очень смешно шлепает губами. Кажется, появление Глеба удивило её гораздо больше, чем я могла себе представить.

— А ты... ты что тут делаешь? — не унимается Алина.

— То же, что и ты, вероятно. В гости зашёл.

— Ты в курсе вообще, что у Алиски ребёнок есть? — спрашивает с таким лицом, будто новость века ему сообщает.

Теперь её мотив понятен. Она хочет сделать мне очередную гадость.

— Ты долго ещё тупорылые вопросы задавать будешь? — отзывается Глеб и достает из внутреннего кармана пиджака конверт. — Здесь ответ на все твои предьявы, — протягивает его мне.

Аккуратно беру из рук Стеклова конверт, переступаю с ноги на ногу и вскрываю его.

Быстро пробегаюсь глазами по тексту. Это какая-то официальная бумага. На квартиру. Дарственная? Вроде нет.

Хмурюсь и снова смотрю на Стеклова.

— Что это? — спрашиваю, нервно растирая бедро ладонью, и плотный джинс мгновенно согревает пальцы.

— Твоя соседка переписала на тебя свою хату.

— Дарья Ивановна? — моргаю и снова впиваюсь глазами в текст. — Но... зачем? У неё же сын есть...

— Вот и он, судя по всему, не понял прикола, — ухмыляется Стеков. — И решил припугнуть тебя опекой через свою давнюю знакомую.

— К тебе приходила опека? — тут же вклинивается Алина. — Боже, Алиса, как ты до этого дошла?

— Ты заткнёшься сегодня или нет? — психует Стеков. — Туфли в зубы и свали на хрен отсюда, на нервы действуешь.

Алина таращится на меня, явно ожидая защиты, но я молчу. Не потому что разделаю агрессию Глеба, я так с людьми себя не веду, просто...

Боже, я просто проявляю слабость и снова воспринимаю его дурацкий выпад за свою защиту. Это всё далеко от правды, конечно, Глеб просто такой человек, терпеть не может, когда что-то идёт не по его плану. Вот и Алинка в его сегодняшний план явно не входила.

Алина краснеет до кончиков ушей, а её нижняя губа начинает подрагивать.

Ситуацию немного спасает Юля. Она выбегает в прихожую в джинсах и футболке. На голове те же резинки в виде

божьих коровок, а на лице широченная улыбка.

— Привет, Глеб! — машет Стеклову. — А я про тебя думала вчера, — выдает на полном серьёзе. — А сегодня ты пришёл. Круто! Это моя тётя Алина, — тычет в Алинку пальцем. — А ещё у меня бабушка и дедушка есть, представляешь? Мы пойдём сегодня в ресторан, да мамочка?

— Посмотрим, — бормочу сконфуженно, замечая на лице Алинки ещё большее недоумение и то, как быстро гримаса отчаяния превратилась в жуткую заинтересованность.

Ох, в ресторан мы не пойдём, конечно, но икать я знатно сегодня буду. Они мне теперь все кости перемоют.

— Класс, — Стеклов вытягивает вверх большой палец, а Юля берёт с полочки свои кроссовки.

— Мы с мамой гулять идём, — сообщает дочь.

Её вообще не напрягает наличие в доме людей, она собирается на площадку и вооружается самокатом.

— Хочешь с нами? — предлагает Стеклову.

Прикрываю глаза, умоляя его мысленно отказаться. Но когда он делал то, что от него хотят? Никогда. Поэтому его короткое «да» меня не удивляет и даже не злит.

Внутри я радуюсь тому, что с опекой всё же постарался не он. Моя радость обоснована исключительно тем, что, возможно, как отец, он вполне себе ничего...

Как человек, конечно, то ещё дерьмо. Но одно другому не мешает, ведь правда?

— Тётя Алина, а ты пойдёшь? — не унимается Юля. Она,

судя по всему, решила сегодня с собой всех на площадку потащить.

— Я спешу, моя птичка, — глупо хихикая, выдавливая из себя моя сестра и, послав Юльке воздушный поцелуй, выскакивает за дверь.

— Тогда потом, — кричит ей вслед Юля. — Мам, я всё!

— Сейчас, кроссовки надену и джинсовку тебе возьму. Сегодня прохладно.

Юля кивает и без всяких стеснений вручает Стеклову свой самокат. Кто-то же должен спустить его на улицу, правда?

— Мам, а я в ресторан розовое платье надену, ладно? — щебечет Юлька уже во дворе.

Мы только спустились вниз, и Глеб отдал Юле самокат.

— Доченька, — присаживаюсь перед ней на корточки, — мы не пойдём в ресторан.

— Почему?

— Алина прислала мне сообщение, что сегодня всё отменилось. Увидим всех в другой раз. Хорошо?

— Жалко, — Юля вздыхает, а потом отталкивается ногой от асфальта и выезжает на дорогу.

Выпрямляюсь и неторопливо иду за ней следом. Стеклов при этом идёт рядом со мной, почти шаг в шаг. Правда, там, где его один, моих два...

Быстро, и надеюсь незаметно, окидываю Глеба взглядом. Он идёт, сунув руки в карманы чёрных джинсов и не без ин-

тереса смотрит на Юльку.

Обхватываю свои плечи руками, чувствуя, как меня подмывает на вопрос, который я в итоге всё же задаю.

— Почему ты прилетел лично?

— Что? — Стеклов мажет по мне взглядом, явно стараясь переключить внимание.

— Мог бы прислать кого-то из помощников, например...

— Слишком оборзевшие обвинения, — кривит губы.

— Ну, прости, вариантов особо на кого подумать у меня не было, — рассерженно веду плечом. — А если взять во внимание моё увольнение, то...

— Это было необходимо, — улыбается так, будто я местная дурочка, а он пытается втолковать мне банальные вещи.

— Серьёзно?

— Серьёзно, — кивает.

— И почему, не ответишь?

— Потому что я отмываю деньги через Артемкину фирму, — произносит обыденно, чуть понизив голос.

**Всем большое спасибо за звездочки, наградки и обратную связь!)
 Я очень рада, что история вам нравится! Мой мини-отпуск закончился, я вхожу в график и буду чаще появляться в комментариях)))**

От кого зачтем след. главу? Алиса/Глеб?

— Что, прости, ты делаешь? — пялюсь на Стеклова, как на привидение.

— Ты слышала, — Глеб снова ухмыляется, замедляя шаг.

— Значит, все, что о тебе говорят, правда?

— А что обо мне говорят?

Хмурюсь, и мы сворачиваем к площадке. Юля почти сразу бросает самокат на траву и бежит к своей подружке. Они тусуются вместе, как только мы сюда переехали, каждую прогулку.

Уголки моих губ от этой умильной картинки детской дружбы приподнимаются.

Юля обнимается с подружкой, и они начинают шептаться.

Как же быстро она растет...

— Всякое, — качаю головой, натягиваю рукава водолазки до кончиков пальцев и перевожу внимание с дочери на Стеклова. — Что ты связан с криминалом, например.

— Точно не так, как ты это себе представляешь.

Я отчетливо слышу в его голосе насмешку, но решаю пропустить ее мимо ушей и вполне себе миролюбиво спрашиваю:

— А как я, по-твоему, себе это представляю?

— Горы трупов?! — смотрит на меня, вздернув бровь.

Сконфуженно переступаю с ноги на ногу, потому что, глобально, он мои «представления» угадал, хоть и посмеялся. А еще меня до жути пугает эта его прямолинейность. Он ведет себя так, будто в его деятельности нет ничего страшного. Совсем.

Неосознанно делаю глубокий, шумный вдох, только подтверждая этим мысли Глеба. Выдаю себя с потрохами.

— Попал в точку?

— Допустим, — прикусываю щеку изнутри и замолкаю ненадолго. — Слегка ненадежный бизнес, если тебе придется что-то отмывать, не находишь? — прищуриваюсь и смотрю на него исподлобья.

— Это нравоучения?

— Скорее, желание понять, насколько все серьезно. Ты хочешь общаться с Юлей, насколько я понимаю. И то, чем ты занимаешься, играет здесь колоссальную роль.

— Драматургия зашкаливает.

— Я понимаю, что тебе смешно, но я серьезно, Глеб. Отец-уголовник моей дочери не нужен, — шепчу зло, глядя ему прямо в глаза.

— Ты можешь с этим что-то сделать?

Он издевается сейчас? Вспыхиваю после этих гадких слов мгновенно.

Дыхание перехватывает так, будто он сейчас не вопрос задал, а ударил меня в солнечное сплетение. В глазах в это мгновение темнеет от ярости.

— Что? — выдыхаю, и голос срывается на шепот. — Что ты сказал?

— Ты слышала, — его лицо не выражает ничего, кроме холодного, почти научного любопытства. Он изучает мою реакцию. Сейчас я для него что-то вроде подопытного кролика. — Ты можешь с этим что-то сделать? — смотрит на меня в упор. — Или снова спрячешься? — склоняет голову набок.

— Я не пряталась, — пытаюсь выдать из себя хоть каплю уверенности, но звучу при этом все равно жалко и неубедительно.

— Нет? — он усмехается, коротко и беззвучно. — А как это называется?

— Мы об этом уже говорили. У тебя просто не было права знать! Потому что ты...

— Что? — Глеб перебивает, и его голос обретает стальные нотки. — Что я такого сделал ей? — кивает на Юлю. — В чем я провинился перед ней, что ты решила умолчать обо мне?

Я открываю рот, но слов нет. Есть только старая, как мир, боль. Предательство. Страх и унижение.

— Ты просто... ты... — я начинаю задыхаться и замолкаю.

— Я буду с ней видаться, — произносит, не глядя на меня. Это не предложение. Не просьба. Это констатация факта. — Ты можешь присутствовать при этом или нет. Можешь

пытаться строить из себя святую. Можешь ненавидеть меня. Это ничего уже не изменит.

— Боже, — едва заметно трясую головой, окунаясь в пучину боли.

В пучину непонимания и сожалений. Ну почему? Почему просто нельзя вести себя по-человечески? К чему все эти угрозы? Все эти нотации? К чему это запугивание и демонстрация силы?

Перед кем? Передо мной? Смешно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.